МАГИЯ ФЭНТЕЗИ
Анна КЛИМЕНКО
НА КРАЮ ВРЕМЕНИ, НА ПОРОГЕ МИРА

Хроники отражений

Анна Клименко

На краю времени, на пороге мира

«Автор»
2007

Клименко А.

На краю времени, на пороге мира / А. Клименко — «Автор», 2007 — (Хроники отражений)

Древние предсказания… О них вспоминают, когда наступают смутные времена и в мире нарушается естественный порядок вещей, когда попираются вечные и незыблемые нравственные основы, когда правят бал темные силы, подталкивающие мир к гибели.Настали такие времена и в Великой Империи Квентиса Доброго; она на краю пропасти – слишком много злодеяний на совести Императора, и теперь порожденное им зло грозит уничтожить его самого.Мир содрогается в преддверии конца, и все же остается надежда на то, что найдется чистая и благородная душа, которая согласно пророчеству пожертвует собой во имя спасения всего живого.

© Клименко А., 2007
© Автор, 2007

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 20
Глава 3 33
Глава 4 41
Глава 5 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Анна Клименко
На краю времени, на пороге мира

Пролог

Дверь бесшумно приоткрылась, и в кабинет заглянул мальчишка. Самый обычный, каких тысячи – золотистые вихры торчат во все стороны, коричневые брови домиком… В ярких, как кусочки летнего неба, глазах стыла обида.

Не смея переступить порог, мальчишка шмыгнул носом и спросил:

– Почему ты меня не впускаешь?

В его только-только начавшем ломаться голосе звенели старательно сдерживаемые слезы, и тут бы сжалиться над человечком, но…

– Убирайся.

Великий Магистр, властелин Закрытого города, рассеянно смотрел в окно. Отсюда было прекрасно видно, как под древней Аркой Триумфа ползет черной змеей непобедимая армия Императора.

– Ты специально это сделал, – захныкал мальчишка, – зачем ты выгнал меня? Я ведь не делал тебе ничего плохого, а теперь… *что* у тебя есть?

– Убирайся, – повторил Магистр, – и не досаждай мне. Я жду, когда в Закрытый город вернутся герои Империи.

Но, судя по всему, маленький гаденыш вовсе не был настроен на то, чтобы разойтись по-хорошему.

– Что у тебя есть *теперь*, когда ты от меня избавился? – хрипло повторил он, – *кто* ты теперь, Великий Магистр?

– Пошел вон!

Не оборачиваясь, Магистр подхватил со стола пузатую реторту с компонентом магического взаимодействия и швырнул ее в вихрастого нахала. Брызнуло во все стороны стекло, мешаясь с серым порошком; кажется, в склянке был пепел крысиных хвостиков…

Мальчишка показал язык и исчез, так и не закрыв дверь, а на его месте вдруг объявился один из учеников Закрытого города.

– Великий Магистр…

В сонных глазах будущего мага прятался страх. Он осторожно переступил порог, обошел битое стекло и только тогда низко поклонился.

– Брат Витальдус просит о встрече.

Магистр едва сдержал ухмылку.

– А, наш герой… Ну, передай, что я его жду, и он волен побеседовать со мной в любое время.

Ученик поклонился еще раз, демонстрируя значительную плешь на макушке.

– Он уже здесь, Учитель.

– Вот и прекрасно.

Парень медлил, топтался на месте, словно хотел сообщить еще что-то, но не решался. И в этот миг в окно снова заглянул вихрастый сорванец, кривляясь, пропищал:

– Что, наслаждаешься собственной мерзостью? Кто ты без меня?!!

– Убирайся! – заорал Магистр.

Лицо ученика побелело; подхватив подол длинного одеяния, он совершил почти невероятный прыжок в сторону двери – и исчез, только протарахтели жесткие подошвы по лестнице. А Магистр устало опустился в кресло.

И кто бы мог подумать, что призраки прошлого могут быть столь навязчивыми? А ведь на самом-то деле он, Магистр Закрытого города, сам не сделал ровным счетом ничего такого, за что можно было бы себя корить.

Принцесса из Дэйлорона попала в руки к магам во время очередного опыта с перемещениями; пересеклись невидимые простым смертным тоннели – и вот вам черноглазая нелюдь, донельзя высокомерная, готовая плюнуть в лицо каждому, кто придется не по вкусу. Что было с ней делать? Тогда он забавы ради подарил нелюдь молодому Императору, ну а тот живо нашел, как использовать подарок Случая… Дэйлорон стал частью Великой Империи, а его немногочисленный народ, в соответствии с пожеланием правителя, отправился к Предкам. Всколыхнулось глянцевое море Отражений: то, что было содеяно, отразилось от хрустальных граней мира и вернулось на покровы Атхены, матери-земли. Близилось время расплаты, Магистр чувствовал это как никто иной – потому как именно ему было дано видеть Отражения мира сего, отражения содеянного зла.

И, уж совсем не к месту, Магистр вспомнил своего предшественника, хозяина Закрытого города. Вспомнил – и в который раз полыхнула в душе бессильная ярость, чтобы осыпаться горячим пеплом… Потому как дэйлор по имени Ильверс, вечный пленник Отражений, оказался на удивление хитрой и изворотливой тварью; сумел-таки сбежать, оставив на своем месте *человека* и совершенно не заботясь о том, что людская природа уже не позволит выплескивать излишки Отражений за пределы мира. Теперешний Магистр нес в себе великие врата Силы, но не мог с ними сделать ровным счетом ничего. Получился этакий бессмертный страж, который освободится только в том случае, если найдет добровольного преемника… или же мир завершит свою историю.

Так Магистр прожил шесть столетий, наблюдая за Отражениями и переживая их, каплю за каплей так, как будто это его резали на куски, травили или просто и незамысловато посылали стрелу в сердце. *Разделяющие бремя* помогали ему пребывать в здравом уме и при памяти, но сути происходящего это не меняло: Магистр оставался магистром, странным существом, которого не должно было быть и вовсе…

Стараясь не смотреть на рожицу голубоглазого мучителя в позолоченной арке окна, он попытался успокоиться. Можно сколько угодно злиться на Ильверса и на самого себя, на простака, который так хотел помочь другу; но от этого не станет легче, и не съежится, не усохнет бушующее черное море Отражений, которых после завоевания Дэйлорона стало чересчур много… Надо всего лишь подождать.

…Дверь снова отворилась. Все тот же ученик вел под руку Витальдуса, мага, решившего ход необъявленной войны.

Что и говорить, чародей совсем не выглядел здоровым и веселым: побледнел, осунулся, в густой шевелюре прибавилось серебра. А глаза… Да, глаза Витальдуса…

Магистр, не скрывая удивления, смотрел на повязку из чистой холстины, где проступали черные пятна. Чистая Сила Отражений, неведомо каким образом просочившаяся в мир восприятия простых смертных.

И он был уверен в своих ощущениях; кому еще, как не темному магистру, чувствовать Отражения мира сего?

– Великий Магистр.

Витальдус сдержанно поклонился и нетерпеливым движением освободился от постыдной опеки младшего.

– Поди прочь, Афемер.

Ученик убрался восвояси. В кабинете повисла тревожная, натянутая тишина.

Затем Витальдус вздохнул и, шаря руками по воздуху, нащупал ближайший стул. А Магистр счел нужным поинтересоваться:

– Что с тобой, брат Витальдус?

Он заранее знал ответ, но вежливость обязывала проявить участие в судьбе мага.

– Заклятие так повернулось, – пробормотал чародей, присаживаясь, – ума не приложу, Учитель… Как это могло случиться? *Концентратор* работал должным образом, все расчеты казались верными… Да и не болит ничего, но вижу… Только чернильную тьму. Что мне делать?

И Магистр понял, что все спокойствие Витальдуса – наигранное; с трудом натянутая маска. Ибо на самом деле чародею хотелось выть, вопить от ужаса, цепляясь за подол одеяния хозяина черной цитадели, молить о помощи… Витальдусу было очень страшно, и то, как он держался, внушало неподдельное, искреннее уважение, никак не меньше.

– Ты должен быть доволен. Взаимодействие, над которым ты столько трудился, сработало как положено, – сухо ответил Магистр.

Он покосился на окно, ожидая увидеть кривляющегося мальчишку – но нет. Маленький нахал исчез… Чтобы тут же просунуть голову в приоткрытую дверь.

Магистр поморщился.

«Это лишь призрак прошлого. Не более того… Не более».

– И это все, что ты мне можешь сказать, Учитель? – руки мага беспокойно шарили по подлокотникам, – я полагал, что ты поможешь мне избавиться…

– Скажи, Витальдус, – Магистр откинулся в кресле, и с наслаждением хрустнул пальцами, – разве твой концентратор, твое великолепное взаимодействие – не было тем, чего ты хотел добиться более всего на свете?

Чародей пожал плечами.

– Наверное, Учитель. Я долго трудился, и мечтал… Да, мечтал о том дне, когда труды мои будут окончены.

– Твоя мечта сбылась, – жестко сказал Магистр, – так чего же тебе еще надо?

– Я… не понимаю тебя…

И Магистр рассмеялся.

– О, нет, брат мой Витальдус. Ты все прекрасно понимаешь! За все надо платить, таков закон. И от него не уйти, не скрыться… – он сделал паузу, вдохнул поглубже и продолжил, – я ничем не смогу тебе помочь, мой дражайший брат. То, что происходит с твоими глазами – всего лишь следствие тех изменений, которые твое заклинание привнесло в поднебесье.

Руки Витальдуса замерли на подлокотниках. И маг, казалось, съежился, стал похож на старичка – сухого, жалкого…

– Ты ведь даже не догадываешься, чем *я* плачу за свое могущество, – процедил Магистр, – никто из вас не имеет ни малейшего понятия!..

И вновь глубоко, на дне памяти, всколыхнулись темные воды воспоминаний, отдаваясь пульсирующей болью в сердце… Да будь же ты проклят, Ильверс д'Аштам!

Он поднялся и принялся мерить шагами кабинет, время от времени бросая взгляд на Витальдуса. Было ли Магистру жаль своего талантливого ученика? Ни капли. Потому как мага ждала затяжная болезнь – и покой. Вечный, прохладный. Уж этому, пожалуй, стоило позавидовать…

– Я хочу видеть все книги, что вы нашли в Дэйлороне, – обронил Магистр, – все, Витальдус! Ты же не будешь меня разочаровывать тем, что ничего не привез?

Маг шевельнулся, зябко обхватил руками плечи.

– Книги привезут завтра, они в обозе.

Его голос звучал устало, бесцветно.

Магистр задумчиво потер гладко выбритый подбородок.

– Пусть ничто не терзает твою душу, брат мой. Я подумаю над тем, как облегчить твои страдания – хотя бы до того момента, как Хаттар призовет тебя в Небесные сады. Ну же, взбодрись… Вы же герои Империи… Покорители Дэйлорона!

Казалось, губы Витальдуса дрогнули в слабой усмешке.

– Да, Учитель. Дэйлорон пал, но… Мы не нашли ни одного тела. Странно, не находишь? Впрочем, для беседы по существу тебе необходимо ознакомиться с положением дел более внимательно.

Витальдус пощелкал пальцами. В кабинет просунул голову Афемер и, семенящими шажками подобравшись к Магистру, вручил ему свиток.

– Отчет был записан учеником с моих слов, – пояснил маг, – печально осознавать, что я теперь не могу ни писать, ни читать самостоятельно.

* * *

Магистр остался один. Даже голубоглазый мальчишка исчез куда-то, отправившись по своим *не существующим* делам – ибо чем может заняться часть тебя самого, вышвырнутая прочь из сознания? Только мозолить глаза и проситься обратно. Ну, а то, что маленький нахал не показывается, означает только одно – затаился и выжидает момент…

Хозяин Закрытого города аккуратно развязал ленточку, что перетягивала отчет Витальдуса, и углубился в чтение.

Итак, Дэйлорон стал частью Великой Империи. Витальдус, всю жизнь свою посвятивший изучению смертоносных комбинаций вещей, приехал в место, именуемое Огневой пустошью, соорудил свой *концентратор* и уже собирался было пустить его в дело, как вмешалась некая Миральда, потомственная ведьма и любовница главнокомандующего… Тут память торопливо подсунула образ ее матери, настоящей красавицы с огненно-рыжей шевелюрой. Отчего-то возомнила она Магистра средоточением вселенского зла и попыталась его убить, за что ее милостиво выдворили из Закрытого города. И он был бы не прочь заполучить в цитадель магов одну из ее дочерей, ту, что уцелела – в то время как две ее сестры были убиты темными и запуганными крестьянами.

Магистр поймал себя на том, что отвлекся, и продолжил изучать содержимое свитка.

…Миральда вмешалась и с легкостью разнесла в щепки результат нескольких дней работы и многих лет магических изысканий Витальдуса. Зачем она это сделала? Несомненно, чтобы спасти нелюдь по ту сторону Эйкарнаса. Возможно, ведьма даже была лазутчицей дэйлор, но это сложно доказать, особенно теперь, когда она исчезла в неведомом направлении. Витальдус соорудил второй концентратор и с его помощью обрушил на Дэйлорон отравленный дождь (пометка: результат применения крови дэйлор превысил все ожидания). Однако в расчеты вкралась досадная ошибка, последовала *отдача* от взаимодействия, отчего пострадали глаза Витальдуса, «пораженные странным и доселе неизвестным недугом».

Магистр усмехнулся. Недугом, как же…

Потом, как и было обещано Императору Квентису, армия беспрепятственно вошла в Дэйлорон. Но тела дэйлор исчезли; это несколько смущало Витальдуса.

«Поиски не дали результатов».

В еще большее замешательство привело чародея окаменевшее озеро, что застыло у королевского дворца дэйлор. Лишенный возможности видеть, Витальдус опирался на свидетельства солдат и двух своих учеников.

«Люди напуганы. Ни одна лошадь не смеет приблизиться к застывшему озеру. Ползут слухи о том, что из окаменевших глубин до сих пор доносятся вздохи убитых дэйлор, о том, что ежели коснуться поверхности камня, кожа и мясо слезают с рук… Но я, маг Закрытого города, полагаю, что вопрос требует дополнительного исследования».

А напоследок были переписаны все книги, найденные в завоеванных землях, а также все устройства, могущие быть полезными в Закрытом городе.

Магистр отложил свиток на стол. Ценные, конечно, сведения… Но Витальдусу было невдомек, что хозяин Закрытого города, глядя в черное море Отражений, уже знал и о застывшем навеки озере, и о том, что ни одного дэйлор не найдут победители под сенью древних деревьев. И, возможно, не так уж и не правы были те, кто видел в каменной толще погибших: ведь дети своей земли и впрямь ушли под воду, чтобы обрести долгий, целительный сон и когда-нибудь вернуться…

На самом же деле Миральда, ведьма, рискнувшая связать свою судьбу с судьбой обычного смертного, уничтожила концентратор, а затем благополучно добралась до Дэйлорона. И даже не была убита стражами границ, вовсе нет. Она принесла плохие вести королю, Шениору д'Амес, она умоляла его спасти и без того немногочисленных дэйлор. Но молодой правитель не поверил ведьме; его разум был замутнен самой обыкновенной ревностью, потому как он не мог уступить эту женщину командору Геллеру. Ведь их, человека и дэйлор, связывало прошлое, так крепко, как только может связать двоих пролитая невинная кровь – а все это было так, ведь из-за короля погибли две сестры Миральды…

Здесь Магистр снова задумался. Стоило ли винить неразумную личинку дэйлор в том, что произошло? Староста той деревни, где жила Миральда и ее сестры, решил поухаживать за ведьмой; по нелепой случайности с потолочной балки на него свалился будущий дэйлор, маленький серый младенец с когтями и зубами хищника. Тут, наверное, все дело в страхе перед ведьмами да перед всем, что неведомо и непонятно. А еще – в зависти… Миральда совершенно случайно избежала той участи, что по наказу пострадавшего горе-кавалера настигла двух ее сестричек. Но вернулась – и страшно отомстила, сравняв деревеньку с землей. Убив всех, кто в ту ночь остался дома…

Магистр невольно вздохнул. Что удивительного в том, что чаша Отражений почти полна? Люди, люди… Видать, они просто не могут жить по-иному. Впрочем, в ближайшем будущем мир завершит свою долгую и безрадостную историю, и, возможно, тогда что-нибудь да изменится.

…Молодой дэйлор, одержимый ревностью, остался глух к мольбам Миральды. И пролился на землю отравленный дождь, рожденный заклятьем Витальдуса, и в страшный час истины король Шениор воззвал к святыне Дэйлорона, Поющему Озеру.

Магистр так и не понял, как же последний владыка обрел столь великое могущество. Но отражения не лгали, да и не могли они лгать: Поющее Озеро раскрылось. Те, кто умирал от людской магии, спустились под воду… Которая затем обернулась черным камнем. А Шениор, стоя на пороге иного мира, предрек возвращение дэйлор – в тот час, когда земля очистится, и явится миру великий воин. Предположительно, речь шла о *неродившемся еще ребенке Миральды и главнокомандующего императорской армией, командора Геллера.*

… В камине весело плясали язычки пламени, с аппетитом облизывали смолистые поленья. Хозяин Закрытого города сидел в кресле перед камином, рассеянно перебирал в пальцах пергамент. Его мысли витали далеко…

Магистр размышлял о пророчествах. И еще о том, что каждое предсказание – всего лишь одна дорога из их великого множества.

Глава 1
Последняя ночь д'Эвери

– Зачем мы идем туда, учитель?

Он остановился, поманил к себе.

– Сколько раз я буду говорить, чтобы ты больше так меня не называла?

Тяжелая рука легла на плечи, обнимая бережно, словно хрупкую куколку бабочки.

– Прости, Норл. Я все еще не могу… привыкнуть.

Старший несуществующего ныне Гнезда куниц, колыбели лучших воинов Дэйлорона кивнул в сторону города.

– Я всего лишь хочу навестить одного очень старого знакомого.

Миртс только вздохнула. Разве можно добиться чего-нибудь вразумительного от Норла дЭвери, коему минуло восемь столетий, ее учителя и… неподвластной времени любви?

Они стояли на лысой макушке холма. Когда-то здесь был пожар, о чем красноречиво говорили обугленные пни. Но все меняется, на пепелище одно за другим начали подниматься молоденькие деревца. Вершина же холма так и осталась обнаженной, не оделась в травяной кафтанчик; сквозь тонкий слой земли проглядывал костью известняк… И отсюда же, как на ладони, был виден Алларен, столица Великой Империи.

– Посмотри туда, дорогая, – прошептал д'Эвери, – видишь черный шпиль? Вот здесь… все и началось, когда…

Он внезапно осекся и замолчал. А Миртс не смела задавать слишком много вопросов; бывшая лазутчица из Гнезда Куниц принялась внимательно разглядывать город, надеясь, что учитель все расскажет сам. Когда сочтет нужным.

Город белых башен мирно спал, укутанный в пух тумана и лунного света. Бойницы глядели в ночь багровыми отсветами факелов, доносились голоса караульных. Широкий тракт упирался в закрытые ворота.

А черный шпиль, на который указывал д'Эвери, почти терялся на фоне ночного неба, да еще и среди дородных белых башен.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – промурлыкал над ухом Норл, – давно я здесь не был.

Миртс пожала плечами.

– Что я могу чувствовать, кроме ненависти? К тем, кто уничтожил, отравил нашу священную землю из-за драгоценностей, что рождает лоно ее? Я лишь надеюсь, что ты позволишь мне утолить жажду кровью этих… этих… – тут она замялась, подыскивая нужное слово, которое бы наиболее точно характеризовало весь род людской, но старый вампир оборвал ее на полуслове.

– Твоя ненависть никому не поможет. Теперь надо думать вовсе не о том, как сделать хуже людям, а о том, как помочь Дэйлорону.

– Но что мы можем сделать, учитель?

– Для начала разобраться, кто помог императору приготовить столь могущественное заклятье и кто отправил в Дэйлорон магов. Есть у меня одна мысль… И горе нам всем, если она окажется верной!

Норл кивнул в сторону белеющего в ночи города.

– Посмотри туда еще раз, Миртс. Отринув ненависть. Просто *почувствуй*, раскройся. Ты же теперь одна из n'tahe, ночных владык, и должна это ощутить!

Она подчинилась, недоумевая, что же такого можно увидеть в неказистых на вид башнях и стенах, которые возводились не для того, чтобы тешить взгляд, а для того, чтобы выдержать долгую осаду.

– Попытайся чувствовать отражения, – прошелестел д'Эвери, – мы все их чувствуем, они питают нас… Дают силу и могущество…

Миртс, чтобы лучше ощутить Силу, даже зажмурилась, но ее мысленный взгляд цепко держался за город.

М-да. Сила Отражения. Ее ведь предостаточно внутри белого кольца. Просто удивительно, как n'tahe, народ Зла, еще не поглотили этот город! Особенно, если учитывать…

Потрясенная, Миртс невольно вздрогнула и непонимающе уставилась на учителя.

Норл удовлетворенно кивнул.

– Именно это я и имел ввиду. Ты ведь увидела его, черное сердце Алларена?

– Но… Что это? Откуда это взялось?!!

Она попробовала взглянуть на город еще раз – а вдруг привиделось? Но нет. Оно и вправду было там, глубоко под фундаментом странной черной башни, огромное, блестящее и… пульсирующее, точно живое. Миртс опять попробовала открыть свое новое, пока еще непривычное восприятие навстречу потокам Силы, и у нее сложилось впечатление, что устрашающего вида сгусток время от времени сдавливается чем-то извне.

– Я знавал того, кто создал все это второй раз, – пробормотал вампир. Прищурившись, он глядел на город, и было видно, что мысли его – далеко.

– Значит, мы идем к нему?

– Нет. Создатель черного сердца давно, можно сказать, сбежал… И оставил на своем месте человека, который не может уйти по доброй воле. Заложника Силы, Магистра Закрытого города. И теперь я возвращаюсь к мысли, которая меня тревожила – а не приложил ли этот несчастный руку к происшедшему с Дэйлороном, землей, на которую смотрят звезды?

Миртс вздохнула.

– Я ничего не понимаю… Норл.

Вампир грустно улыбнулся.

– Тогда нам придется немного задержаться, пока я не расскажу тебе… Откровенно говоря, я не знаю, чего следует ждать от нынешнего хозяина Закрытого города… Я ведь не видел Магистра с тех пор, как его предшественник счастливо отправился к Предкам. И – честное слово – я полагал, что этот человек не сможет сделать ничего такого, что повредило бы поднебесным землям. Но, кажется, я недооценивал его… Сядем, моя маленькая мышка. Это долгая и очень печальная повесть, но тебе следует ее знать… На тот случай, если со мной что-нибудь случится.

* * *

Алларен – великий город. Возведенные столетия тому назад, и по сей день стоят непоколебимо толстые его стены, неуклюжие, но крепкие башни. Немало войн прокатилось по этим землям, но город белых башен выдержал.

Купец, вольный наемник или же простой землепашец, приближаясь к городу, видят красоту белого камня, сияющую чистотой горных вершин при свете солнца и тускло светящуюся перламутром при луне. На удивление, мало кто обратит внимание на тонкую черную башню, устремляющуюся к небосводу, обуреваемую желанием пронзить небо и слиться с запредельной тьмой вечной ночи. А, между тем, башня эта – обитель вечного и невольного хранителя мира сего.

Никто уже и не вспомнит о первом Магистре. Да и некому больше вспоминать, дэйлор спят волшебным сном на дне Поющего озера.

Вторым в Закрытый город пришел дэйлор по имени Ильверс, из правящего Дома д'Аштам. Он пришел в Алларен, держа за руку человеческого ребенка, и несколько лунных кругов

жил как человек в любви к обычной женщине. Но потом Закрытый город победил в его сердце, и дэйлор стал вторым и последним черным магистром.

Ильверс был созданием, противным естественному положению вещей в поднебесье. Сила отражений устремлялась в него, и он выплескивал ее за пределы этого мира, словно в гигантскую воронку за гранью неба. Он был вратами, открывающимися только в одну сторону, очищающими этот мир от Отражений… Тем самым Ильверс продлевал ему жизнь. К тому же, Черный магистр не старился, как будто бы один из народа Зла; но мало кто знал об истинной цене вечной жизни и вечного спасения всех живущих.

Черный магистр должен был видеть все, что порождало Отражения. Ты ведь знаешь, милая, откуда они берутся? Тот-то и оно. Кто, изо дня в день наблюдая все это, способен принести себя в жертву?

Ильверс задался этим вопросом и решил, что его жертва – слишком велика. И он решил умереть, вместе с той женщиной, что его любила, вместе с ребенком, которого он привел в Алларен из захудалой северной деревни. Ильверс готовился стать тем Последним Магистром, который бы положил начало гибели всего поднебесья; да, верно, он и был этим… последним, предсказанным магистром.

Но в тот страшный час, когда Ильверс был готов умереть, вырваться на свободу, и тем самым обрушить на мир всю Силу отражений, выплеснутую прочь за много декад, его планы расстроил один вампир. Тот же n'tahe уговорил Ильверса дать миру отсрочку, до тех пор, пока не найдется достойный преемник, готовый нести тяжесть бремени Отражений.

Прошло четыре декады с той ночи, и в Закрытый город вернулся друг Черного магистра, тот самый ребенок. Звали его Золий, рода он был незнатного, но – в нем полыхал нешуточный магический дар. Этот человек пришел к Ильверсу с желанием помочь и облегчить его участь; магистр же за годы, проведенные в башне, узнал кое-что интересное о природе врат Силы. Обманом он поставил Золия на свое место, и сам, освободившись, покинул Алларен. Просчитался Ильверс лишь в одном, а, быть может, сделал все намеренно. Дело в том, что Золий, будучи человеком, уже не мог исполнять роль вечных врат в силу своей природы; все, что он мог – держать врата закрытыми. Новоявленный магистр принял на себя бремя отражений, но уже не выплескивал Силу за пределы небесного купола. Все отражения оставались в мире, питая народ Зла, и так продолжается и по сию пору.

* * *

Норл замолчал, слепо уставившись на чистый лик луны. Миртс чувствовала, как болью полнится бессмертное сердце, и у нее не оставалось сомнений, что Норл д'Эвери – именно тот вампир, что когда-то уговорил Черного магистра остаться на своем месте.

– А что же случилось с Ильверсом?

Старший вздрогнул и с благодарностью посмотрел на нее, будто Миртс своим вопросом вырвала его из цепких когтей воспоминаний.

– С Ильверсом? Ах, да… Его видели потом, этого дэйлор, на которого высшие силы пытались примерить явно чужую судьбу… Став свободным, он устремился на поиски той женщины, которая его когда-то любила, и нашел ее на севере, дряхлой старухой, умирающей в окружении детей и внуков. Говорят, он выгнал их, и сам оставался у ложа своей возлюбленной всю ночь… Говорят… – тут голос старого, повидавшего немало n'tahe предательски дрогнул, – когда наутро родня решилась зайти в дом, то нашла Ильверса и старуху покинувшими этот бренный мир. И оба они… улыбались, словно наконец сбылась их давняя мечта.

Миртс поежилась. От истории черного магистра мороз продирал по коже; была в услышанном торжественная и мрачная обреченность, от которой заныло под сердцем и защипало

глаза. Наверное, то же самое почувствовал и Норл, потому как он обнял Миртс за плечи и крепко прижал к себе, словно боясь потерять. Внезапно он встрепенулся.

– Что ж, дорогая. Теперь нам нужно идти и навестить Золия, Магистра Закрытого города. Я не беспокоился о нем раньше, потому как этот несчастный ничего не может поделать с вратами. Он не может впустить Отражения обратно… Все это следует из его человеческой природы, и, кажется, именно на это и рассчитывал Ильверс д'Аштам.

– Но зачем нам идти к нему, если он безвреден?

– Разве я сказал, что он безвреден?

Вампир поднялся, отряхнул плащ.

– Пойдем же, Миртс. До утра еще есть время, мы успеем поговорить с ним. Но… будь начеку. Что бы ни случилось, сразу – беги. И еще, дорогая, упаси тебя Воля Дэйлорона пытаться его убить.

Миртс промолчала. В душе, навеки прикованной к телу, шевельнулось недоброе предчувствие. Молодой вампирессе совершенно не хотелось идти к упомянутому Золию; даже его имя, казалось, источало неясную угрозу.

Но все же они спустились с лысой макушки холма, пробрались сквозь поросль молодняка и зашагали по дороге к воротам.

– Норл… Они же не пустят нас, народ Зла, в город?

– Разумеется, не пустят. Но отчего бы им не пропустить двух путешественников, к тому же, с тяжелыми кошельками у пояса?

И Миртс немного успокоилась. Старый вампир знал, как заставить людей верить в то, чего нет на самом деле. Вот и сейчас: остановившись у гигантских створок, обитых бронзовыми полосами, он закрыл глаза, сцепил пальцы на уровне груди и в такой позе застыл. Потекли мгновения, за которые – Миртс так и не смогла ощутить мыслепоток – что-то изменилось. Загрохотали механизмы в толще стен, и ворота медленно приоткрылись. Ровно настолько, чтобы пропустить двух усталых путников.

Д'Эвери решительно двинулся вперед; тут же, откуда ни возьмись, объявился караульный и с низкими поклонами принялся приветствовать дорогих гостей. Получив тяжеленький золотой, человек засиял от радости едва ли не ярче монеты; его поклоны стали еще более низкими, а в глазах почтительно замерло благоговение.

– С Закрытым городом этот фокус уже не поможет, – пробормотал Норл себе под нос, – там чародеи, и не самые слабые.

Дальше они шли по спящему Алларену. Вернее, таковым он казался только на первый взгляд; Миртс чувствовала, как снуют туда-сюда мелкие воришки и убийцы, как бряцают латами изредка проезжающие патрульные. Ну, а добропорядочные горожане, конечно же, предпочитали оставаться под обманчиво-надежной защитой каменных стен.

Невзирая на середину осени, ночь была теплой. И даже зловоние, что живет в больших городах, не перебивало грустного запаха сырой листвы, аромата увядания и вечного сна.

Это могло показаться странным, но примерно так же пахло по осени и в Дэйлороне, в том, еще живом, каковым очень хорошо помнила его Миртс. В груди всколыхнулась горечь огромной потери, полыхнул огонек ярости…

– Перестань, – обронил Норл, – не надо так… Этим ты никому не поможешь и никого не спасешь. Надо думать не о том, как отомстить, а о том, как исправить… Впрочем, я тебе уже об этом говорил.

– Да, учитель, – она покорно кивнула, немного сожалея о том, что после перерождения Норл слишком хорошо чувствовал любое изменение ее настроения.

– И держи свои мысли при себе, прошу. Скоро мы предстанем перед Магистром Закрытого города…

Они свернули в аккуратный квартал, где в изобилии были насажены розовые кусты. И Миртс увидела врата черной цитадели, исполненные древнего величия. Они были так стары, что на миг вампиpессе показалось святотатством – просто так подойти и постучаться… Норл, однако, поступил именно так.

Просто подошел и трижды стукнул кулаком о черную каменную чешую.

А Миртс подумала, что так они будут ждать до самого утра, ибо тяжелые створки не ответили ни единым звуком.

Но, конечно же, она ошиблась. Им пришлось обождать совсем немного, быть может, сработали охранные заклятья по ту сторону врат, потому что хриплый мужской голос осведомился:

– Что нужно темной нелюди в городе магов?

Тут Миртс удивилась. Это ж надо, человек так просто спрашивал двух вампиров о том, что им нужно! Словно подобное случалось здесь нередко…

– Мне нужно увидеть магистра, – просто ответил Норл, – передайте ему, что я знавал Ильверса д'Аштам, и настало время нам с магистром обсудить одно дело… Чрезвычайной важности, разумеется.

Воцарилась тишина. Затем, после долгой паузы, все тот же голос процедил:

– Проходите. Магистр готов вас принять.

И все. Никаких признаков открывающихся ворот.

Миртс только вскинула удивленный взгляд на Норла, но тот, казалось, был ничуть не удивлен происходящим.

– Пойдем, дорогая. И будь начеку. Ты – единственная, за кого я боюсь… Быть может, я бы и не потащил тебя с собой, но ты тоже должна увидеть все своими глазами. А еще – прочувствовать…

Он взял ее руку в свою и смело шагнул вперед. Миртс ожидала, что вампир стукнется лбом о черный камень, но ничего подобного не произошло. Он словно провалился сквозь врата, в непроглядную темень открывшегося тоннеля, и ей не оставалось ничего иного, как последовать за ним.

* * *

…Внутри башня оказалась такой же черной, как и снаружи, и витки лестницы, казалось, будут повторяться бесконечно. Впереди молча поднимался маг; золотисто-рыжеватые блики от масляной лампы трепетно касались гладкого камня, и тут же торопливо соскальзывали прочь, словно боясь не поспеть за породившим их огнем.

Норл не проронил ни слова за все время пребывания в башне; только крепко сжимал пальцы Миртс, как будто она могла потеряться в кромешном мраке.

Самой же юной вампиpессе было не по себе; ей и в самом деле казалось, что стоит лишь слегка отстать, как жадный до теплой крови мрак поглотит ее. Так алчная ночь принимает в себя крошечную искру, летящую прочь от костра, мгновенно убивая и обращая невесомой частицей пепла.

Вдобавок ко всему, Миртс стало казаться, что кто-то беззастенчиво пялится ей в спину, как раз между лопаток, и от этого ощущения кожа покрывалась мурашками, и хотелось рвануть вперед, вверх, подальше от голодных глаз пустоты…

– Мы пришли, – негромко сказал маг.

Миртс едва осознала, что лестница закончилась, и они стоят перед обычной деревянной дверью с кованой ручкой в виде оскаленной волчьей морды.

– Благодарю, – Норл чуть заметно кивнул, – полагаю, мы можем войти?

– Разумеется, – короткое пожатие плеч, – Магистр Закрытого города проявил к вам недюжинное любопытство.

И тут же, усмехнувшись, маг добавил:

– Он уже очень давно ничему и никому не удивляется. Вы – приятное исключение.

Сказав это, он вежливо поклонился и, перехватив удобнее лампу, принялся неторопливо спускаться обратно.

Норл чуть слышно вздохнул и еще крепче сжал пальцы Миртс. Прошептал:

– Смотри и слушай внимательно, моя отважная воительница. Возможно, твои кошачьи глазки увидят то, чего не увижу я?

Она кивнула. И на миг прижалась всем телом к своему вечному возлюбленному.

– Пойдем. Я обещаю, что буду вести себя так, как надо.

Норл потянул на себя дверную ручку; легкий, едва слышный скрип петель – и они переступили через порог кабинета магистра.

Огромный камин зло плевался искрами. Багровые всполохи в его прокопченной утробе заставляли жарко сиять позолоту на стенах и на потолке. У самой двери стоял высокий шкаф, набитый книгами и свитками; дальше, под окном – широкий стол, где в кучу были свалены самые разнообразные магические компоненты. За этим-то столом, в кресле с непропорционально высокой спинкой, и сидел хозяин Закрытого города.

– Кланяйся, – шепотом напомнил д'Эвери и сам подал пример, приветствуя Магистра учтивым поклоном. Миртс поспешно склонила голову, но тут же подняла глаза – уж очень ей было любопытно рассмотреть это странное существо, вечного пленника Отражений.

– Я приветствую высоких гостей, – медленно сказал магистр. Его шелестящий, безмерно усталый голос отразился от сводов потолка и смешался с потрескиванием огня в камине, – чем обязан такому визиту? О, прошу прощения, я совсем забыл предложить вам кресла… присаживайтесь и чувствуйте себя… как дома.

Миртс показалось, что он специально подчеркнул последнее слово. Она, не отрываясь, глядела на магистра, стараясь чутьем n'tahe понять – а что же это за создание такое? Определенно, магистр уже очень давно не был человеком, но точно также невозможно было определить, к какому виду народа Зла он относится. Он стал чем-то совершенно особенным и необъяснимым…

Тем, кого и вовсе не должно было быть.

Вампиресса поежилась. Откуда всплыли эти слова, сказанные неведомо кем и неведомо когда?..

А между тем… У магистра Закрытого города была очень бледная кожа, иссеченная тонкими и застывшими навеки морщинами, седые волосы, гладко зачесанные назад, пегие кустистые брови и светлые глаза. Лицо его казалось приятным и гармоничным, высокий лоб говорил о недюжинном уме, а четко очерченный, твердый подбородок – о немалой воле. Даже посадка головы наводила на мысль о том, что магистр уже давным-давно привык повелевать – и ничего более. Впечатление слегка портил лишь нос, похожий на хищный клюв ястреба.

– Присаживайтесь, – повторил магистр. Его цепкий взгляд обежал гостей; и, как показалось Миртс, чуть слышно вздохнул.

Что-то мягко толкнуло ее под коленки; оказалось, возникшие из ниоткуда кресла, чуть поменьше, чем у магистра, и с мягкими сиденьями. Она бросила вопросительный взгляд на Норла – но тот уже садился, поправляя ножны за спиной.

– Итак… – Магистр улыбнулся, – браться сообщили мне, что меня хочет видеть некто, знававший Ильверса д'Аштам. У меня сразу возникли некоторые подозрения, и я рад, что не ошибся. Благородный Норл д'Эвери и его прекрасная спутница. Ты ни разу не посетил меня в моей обители скорби, Норл… За все эти годы. Так отчего же ты пришел сейчас?

Вампир прищурился.

– Тебе ведь известно, Золий, что Дэйлорон пал?

Улыбка на лице магистра стала еще шире.

– Разумеется. И что? Все это вполне объяснимо, мой дражайший, учитывая закон Отражения и то, что я – не дэйлор. Не в моих силах перемолоть в себе лишнее зло этого мира, как это мог бы сделать мой предшественник.

– Да, но… Не сила Отражений погубила дэйлор. Людские маги отравили священную землю, приговорили к смерти и без того немногочисленный народ. Как могли люди соорудить столь сложнее и мощное заклятье?

– Людская магия, магия вещей и взаимодействий, не стоит на месте, – терпеливо начал объяснять Магистр, – она развивается. Новые идеи, новые конструкции… Новые маги, наконец. Так что странного в том, что удачное заклятье погубило Дэйлорон? В конце концов, дэйлор никогда не щадили людей.

И по его бледному лицу скользнула судорога затаенной боли.

– Ты знал, что готовится такое взаимодействие? – не унимался Норл, – если знал, почему ты позволил им завершить его? Ведь это повлекло волну Отражений, их и без того слишком много… Народ Зла крепчает. И я начинаю всерьез опасаться, что такой волне по силам породить новую нелюдь, какой ни ты, ни я не знали раньше. Не получится ли так, что народ Зла захлестнет людские земли?

– Разве это допрос? – магистр усмехнулся, – ты слишком настойчив, благородный. Не забывайся, с кем разговариваешь.

– Хорошо, – поспешно скал вампир, – Прости меня, но… Я до сих пор не могу поверить в то, что земля моих предков мертва.

– Извинения приняты. Я могу ответить на твои вопросы, благородный д'Эвери. Да, я знал. Император очень хотел заполучить Дэйлорон – и он его заполучил, тем самым обрекая свою драгоценную Империю. Закон отражения, ничего с ним не поделаешь.

Миртс в изумлении смотрела на учителя; если бы сапфировый взгляд Норла мог испепелять, то магистр уже давно бы осыпался кучкой пепла. Белые пальцы вампира впились в подлокотники, тщась раздавить мореный дуб.

– Но… почему, Золий? Уж не тебе ли знать…

– А почему я должен вмешиваться и пытаться что-то исправить? – Магистр нахмурился, – я достаточно давно живу на этом свете, Норл… Можно сказать, даже задержался здесь – по прихоти моего старого приятеля, нашего общего знакомого Ильверса. Уж он-то заполучил себе местечко в долине Предков, или как там она называется у дэйлор! Так вот… Все, что происходит – правильно. Это естественный ход вещей; отражения настигают тех, кто породил их причину. Врата Силы закрыты, и все, что произошло, остается в мире, питая таких, как ты и твоя подруга. Скоро настанет время, и равновесие нарушится окончательно. Люди получат то, что заслужили! Да они же уничтожают сами себя, неужели ты этого не видишь?!

Миртс глядела на Магистра, глядела… И вдруг – остро ощутила пустоту в душе этого несчастного существа. Да, там, под хилыми заслонками из слов, была черная, сосущая пустота; ни одного живого чувства… Кроме желания обрести покой и острого осознания невозможности этого.

Казалось, Норл тоже это почувствовал.

– Ты изменился, – сказал он Магистру.

– Мало кто не изменится за такой срок.

– Ты хочешь приблизить конец мира, чтобы обрести покой?

– А если и так, в чем ты можешь меня обвинить? За то время, что я провел в этой проклятое башне, добровольцев на мое место не нашлось.

– Наверняка есть выход…

Магистр махнул рукой.

– Да знаю я… Ты всегда пытаешься искать то, чего не следует. Когда-то… Я был молодым дураком. Теперь я поумнел…

– Не делай этого, – почти прошептал Норл, – подожди еще немного.

– Да мне ничего и делать-то не нужно, – фыркнул Золий. Он приподнялся, упершись костяшками пальцев в столешницу, – знаешь ли, Норл… Я с полной уверенностью могу заявить, что человек, который захлестнет мир Отражениями, уже давно ходит по покрову Атхены, нашей матери-земли. Не я подведу мир к последней черте, отнюдь не я! Это будет… Впрочем, думаю, ты со временем и сам бы догадался…

Д'Эвери тоже поднялся.

– Я все понял, Магистр. Наверное, нам не следовало тревожить тебя…

– Не страшно, – Золий тускло улыбнулся, – не так уж и часто ко мне хаживают гости.

– Тогда… пожалуй, нам следует откланяться. Прости, что отняли у тебя столько времени.

– Пустое, Норл. Тебе ли не знать? И станут слезы мира сего ему временем и пищей…

От взгляда Миртс не ускользнуло, как вздрогнул восьмисотлетний вампир.

– Я что-нибудь придумаю, – пробормотал Старший гнезда Куниц, – обязательно.

И, улыбнувшись, добавил:

– Не в первый раз.

– Ты, конечно же, отправишься искать человека, которому на роду написано обрушить мир в бездну? – ухмыльнулся магистр. Как-то нехорошо ухмыльнулся, и у Миртс заныло тревожно под ложечкой.

Но уже в следующий миг дурное предчувствие разбилось тысячью ранящих осколков. Она даже не успела понять, что произошло; яркая, слепящая вспышка – и Норла отшвырнуло к стене, так, словно это был не могущественный n'tahe, высший вампир, а самый обычный смертный. Его тело мешком свалилось на пол, и через один удар сердца начало… рассыпаться крошечными стеклянными бисеринами.

– Беги, – выдохнул умирающий вампир, – беги…

И перестал существовать.

Миртс тогда показалось, что она кричала.

«Беги, теперь ты знаешь…» – приказал уже бестелесный голос, прозвучавший только в ее сознании.

– Норл… – она всхлипнула, – Норл…

Перед глазами замельтешили кровавые мошки. Затрещала по швам одежда… Тело стремительно изменялось – стянулись узлами мускулы, искривился позвоночник, с хрустом начали вытягиваться крылья, которые ни разу еще не раскрывались, она была слишком молода для этого…

А Магистр все также спокойно сидел за столом, и его изящные пальцы лежали на темной полированной поверхности. Казалось, он о чем-то размышляет; его бледные губы шевелились, словно он беззвучно спорил с самим собой.

Прыжок – вперед, на ненавистное, черное чудовище. Как же легко этот… Золий разбил ее любовь, ее жизнь!..

Но когти царапнули по невидимой преграде. Миртс взвыла, бросилась на магический барьер еще раз, тщась достать Магистра… И снова – далекий голос Норла, в котором отчаяние и любовь – безграничная, вечная…

«Беги, маленькая дурочка! Тебе его не одолеть, да и не нужно!»

«Почему я должна бежать?»

«Потому что ты все равно не убьешь Магистра! А твое бегство, возможно, разрушит его планы…»

Голос растаял, как льдинка на солнцепеке, и больше Миртс его не слышала.

Она вцепилась в боковину книжного шкафа, без труда обрушила его на пол. Единственное окно… было недосягаемо, рядом со столом хозяина Закрытого города. Вампиресса метнулась к двери, ударила всем телом – и, к собственному удивлению, вылетела на темную площадку. Куда теперь?..

Единственный путь – вниз, вниз… Между витками спирали!

Сложив крылья, она прыгнула в кромешный мрак, в пасть голодной тьмы… Далеко внизу маячили отблески огней, значит, там были люди – а уж их Миртс щадить вовсе не собиралась. Но почему же бездействует Магистр? Неужели позволит ей уйти?

* * *

Не долетев сотни локтей до начала лестницы, Миртс развернула крылья; ледяной ветер ударил в кожистые перепонки, заставляя стискивать зубы от боли в суставах. Но падение замедлилось, а потом и вовсе прекратилось; вампиресса взмахнула молодыми крыльями, раз, другой… Прислушалась.

Определенно, внизу ее ждали. Пять человек, и отсюда не разобрать, насколько они опасны. Снова тревожным колокольчиком звякнула мысль – отчего Магистр Закрытого города до сих пор не привел в действие ни одно из своих заклятий? Истратил всю силу на Норла? Или… Припас что-нибудь напоследок?

Миртс вздохнула. Магистр магистром, но уже не осталось времени на раздумья. Ее сила в неожиданной атаке, если таковая вообще возможна в этих стенах…

Она еще раз прислушалась: чуткое ухо вампира ловило каждый шорох внизу. Миртс даже казалось, что она слышит тихое биение человеческих сердец. Улучив удобный момент, вампиресса рванулась вниз, помогая себе крыльями, выставив вперед руки, что стали когтистыми лапами чудовища… Готовая разрывать в клочья нежную плоть живых…

И врезалась в неведомо откуда появившуюся сеть. Все поплыло перед глазами; сверху упала еще сетка, сковавшая движения. Вот он, удар Магистра! И Миртс, взвыв от злости, поняла, что падает. Не как хищный ястреб на жертву, а как подстреленная утка, переворачиваясь в воздухе, неуклюже пытаясь взмахнуть крыльями…

Мелькнул виток лестницы, последний; Миртс с ужасом услышала звук падения собственного тела – как будто и правда шлепнулся на траву подранок. Кажется, хрустнули кости… Наверное, она на миг потеряла сознание, потому что, вынырнув из забытья, увидела суетящихся вокруг людей. Магов в темно-коричневых мантиях. Они деловито продолжали пеленать ее в сети, грубо, но аккуратно, стараясь не повредить чего.

Миртс взревела, попыталась вырваться – но это было равносильно тому, как если бы запутавшийся в паутине мотылек попробовал обрести свободу.

О, да, Магистр Закрытого города не торопился разить ее своими страшными заклятьями. Ему было достаточно лишь подать сигнал своим верным слугам, чтобы захватить в плен молодую и еще слабую n'tahe…

Единственное, что удалось Миртс – так это цапнуть за руку неосторожного мага. Брызнула кровь, хрустнуло запястье, и она с мрачным удовлетворением подумала, что этот человек вряд ли когда будет владеть рукой, как раньше…

– Ах ты, дрянь!

Чувствительный пинок в живот. И еще. А затем – тишина, страшная, мертвая. Казалось, маги даже дышать перестали.

Миртс увидела, как над ней склоняется магистр.

– Я приношу извинения за доставленное неудобство, – его голос прошелестел сухой листвой, гонимой ветром.

– Ты… ты… – от ярости вампиресса даже не нашлась, что и ответить. Но затем все-таки выдавила, – ты убил Норла!!! Будь ты проклят!

Магистр улыбнулся.

– Благородная госпожа опоздала со своими проклятиями на шесть столетий.

И, повернувшись к затихшим магам, обронил:

– В подвал Малой башни ее. В зверинец.

Не церемонясь, люди потащили Миртс прочь. Магистр Золий молча наблюдал за происходящим; на миг взгляды его и пойманной вампирессы скрестились. И Миртс поняла, что не успокоится, пока не посчитается с этим чудовищем… За того, кого любила более всего на свете. А еще она заметила, что глаза у Магистра вовсе не серые и поблекшие. Они были яркими, как два озерца под летним небом.

Глава 2
Тень Императора

Геллер ничуть не удивился, когда две рыжеволосые красотки вновь пришли к нему. Похожие друг на друга, как две капли воды, они неторопливо вошли в распахнутую дверь, немного помедлили у порога, держась за руки и внимательно рассматривая приговоренного к смерти.

– Он нас все равно видит, – тихо сказала та, что была справа.

– И это странно, – добавила та, что подбоченясь, стояла слева, – похоже, Миральда и в самом деле была ему дорога.

Геллер с трудом приподнялся на кучке мокрой соломы, что последние дни заменяла ему постель.

– Зачем вы пришли?

Девушки одновременно пожали точеными плечами, такими же, как у той… Он так и не смог забыть ее, зеленоглазую ведьму с длинными серебряными локонами.

– Гло, скажи ему, – одна красавица прошлась по камере, делая вид, что внимательно разглядывает каменную кладку стен.

– Хорошо, Эсвендил. Ты, как всегда, оставляешь мне самое тяжелое.

Память, затуманенная болью, медленно прояснялась.

«Кажется, ее звали Глорис», – устало подумал Геллер, – «вторая – Эсвендил. А третья…»

Глорис подошла и присела на корточки рядом с ним. Ее ладонь невесомо легла на лоб, и Геллеру показалось, что на лицо повеяло теплом. В сыром и затхлом воздухе каменного мешка поплыл аромат разогретой на солнце молодой хвои… Но тут силы покинули его окончательно, локоть соскользнул, и он стукнулся затылком о каменный пол.

– Что вы хотите от меня? – прохрипел он, – зачем вы здесь теперь?!!

Бледные губы Глорис тронула мягкая, добрая улыбка.

– Мы только хотели сказать тебе, Геллер… Помнишь, в первый раз, когда мы приходили к сестре, ты услышал, что можешь погибнуть от руки своего повелителя? Так вот… Мы хотим, чтобы ты знал – не мы накликали на тебя беду. Духи вообще не могут менять судьбы живых, уж поверь… Но духи умеют прорицать грядущее. И тогда мы видели твою судьбу также ясно, как будто она была написана в твоих глазах, вся, целиком.

– Слишком длинно, Глорис, – Эсвендил сложила руки на груди, и Геллер подумал, что ее запястья, пальцы – такие же совершенные, как у Миральды.

– Просто знай, что не мы виноваты в том, что с тобой стряслось, – едва слышно шепнула Глорис.

– Я это и так знаю, – пробурчал Геллер, – лучше… скажите, что с Миральдой?

– Тебе лучше этого не знать, – твердо сказала Глорис.

Дыхание ледяным комом застряло в горле. Ну, раз так – то и ему больше нечего делать в этом странном мирке.

– Она…

– Нет. Если бы она была мертва, то пришла бы к тебе вместе с нами, – Эсвендил опустилась на колени в изголовье, – но она перестала быть… человеком, Геллер. А мы – мы теперь будем очень долго ждать ее…

– А у тебя есть сын, рожденный нашей сестренкой, – как бы между прочим, заметила Глорис, – он жив и здоров, растет себе помаленьку…

Геллер молчал. Он просто не знал, что и сказать. Задавать вопросы – глупо. Радоваться?.. Радоваться можно было бы *рядом с ними*, но не здесь, в грязной, зловонной камере смертника.

Потом, собравшись с силами, он улыбнулся двум призракам.

– Спасибо. Вы… на самом деле утешили меня.

Эсвендил молча наклонилась и поцеловала его в лоб. Глорис проделала то же самое… А затем обе девушки начали медленно таять, становясь все прозрачнее и прозрачнее.

Геллер покосился на дверь – конечно же, она была закрыта.

«У меня есть сын», – неторопливо подумал он, словно пробуя эту мысль на вкус, – «Плод нашей короткой любви. Жаль, что не увижу…»

Он закрыл глаза. Следовало бы собраться с силами, чтобы поутру подняться на ноги, исповедаться жрецу Хаттара Всеобъемлющего и с высоко поднятой головой пройти свой последний путь.

* * *

…С каждым шагом приближалась грань жизни – по воле судьбы воплотившаяся в эшафот. Толпа, жадная до зрелищ, накатывала волнами. Резали слух крики, свист, улюлюканье. И, во имя Хаттара – почему? Ведь его, командора, тень Императора Квентиса, *любили*. Так отчего же теперь столько радости в глазах черни? И откуда такое нечеловеческое желание увидеть, как командору Геллеру Накори отсекут голову?!!

А наверху – почерневшее, набрякшее тяжелыми тучами осеннее небо. Он вдруг вспомнил, как перед несостоявшейся битвой с дэйлор вышел ночью из шатра и точно так же смотрел на обитель Хаттара, пытаясь понять… Да что понимать-то? Еще тогда он нашел ответ. Небо совершенно в себе самом, и ему нет дела до букашек, копошащихся на покровах Атхены, Матери-земли. Только глупцы или сумасшедшие могут верить в то, что Хаттар явит справедливость, и праведники будут возвышены, а недостойные наказаны.

Геллер невольно остановился, и тут же получил весьма ощутимый укол копьем между лопаток.

– Пошел, пошел!

Толпа, притихшая было, снова заволновалась. Нищий оборванец, не удержавшись, кубарем полетел под ноги копейщику и вмиг распрощался с жизнью, пригвожденный к булыжной мостовой.

Геллер равнодушно отвернулся. Как странно – все ближе и ближе сады Небесные, а ему вроде как все равно. Только холодное любопытство: а каково это, умереть не в честном бою, а от руки палача?

До помоста, обитого черным, оставались каких-нибудь два десятка шагов, и было хорошо видно, как коренастый палач, натянув колпак, шлифует лезвие топора.

С неба начали срываться редкие капли дождя.

Если бы только не были связаны руки! Тогда… попытаться вырвать оружие у зазевавшегося солдата, и… нет, бежать он вряд ли смог бы – но умер бы, как воин. С оружием в руках. То, о чем он так просил императора Квентиса Доброго… Геллер невольно содрогнулся; воспоминания захлестывали его, грозя погрести рассудок под грудой цветных осколков жизни.

– Почему, Геллер? Почему? – голос властелина дрожал под серыми сводами темницы, – мы вместе росли. Ты… ты был единственным человеком, кому я действительно доверял! И ты хотел моей смерти?!! Почему?

Геллер молчал. Как можно объяснить поступки, совершенные не от разума, но от сердца? Да и нужно ли теперь объяснять, что под дланью императора сломалась, как подточенное болезнью деревце, хрупкая жизнь девушки… которая была его сестрой?

– Ты будешь казнен, – сухо сказал властелин, – если есть последнее желание, говори сейчас.

– Мне хотелось бы умереть, как подобает воину. С оружием в руках. Иного желания у меня нет.

Император приподнял брови. Может быть, он ожидал мольбы о помиловании?. Затем… Покачал головой.

– Нет, Геллер. Ты служил мне верно, но вина твоя велика. Твою глупую голову отрубит палач – в назидание остальным.

Эшафот уже заслонял собой площадь.

Как черная птица, распростертыми крыльями обнявшая серое, хнычущее небо.

Слишком близко… Геллер поднял голову и огляделся.

Император наблюдал за казнью с балкона, окруженный прихлебателями. Не будет ничего удивительного в том, если через пару лет кто-нибудь из этих аристократов подсыплет владыке яда в бокал или засадит кинжал в спину. Но это случится позже… Когда уделом самого Геллера будет *ничто*.

Ему показалось, что император улыбается. Правда, уже в следующее мгновение Геллер одернул себя; это ведь обман зрения. Не более того.

И все же… Один и тот же вопрос назойливой мухой стукался о стенки черепа: отчего столько злой радости написано на лицах алларенцев?

…От глухо ревущей толпы отделилась невысокая женская фигура в плаще мышастого цвета. Торопливо пересекла площадь, остановилась рядом с лестницей, ведущей на помост, к плахе.

Геллер опешил – и это в то время, как нищий поплатился жизнью за то, что переступил запретную черту! Ни один из стоявших в оцеплении гвардейцев не обратил внимания на столь вопиющее нарушение порядка. Словно… никто ничего не видел.

Все это настолько удивило Геллера, что на миг он позабыл о приближающейся гибели. Странная личность преспокойно стояла рядом с копейщиком, спрятав руки в широких рукавах, а лицо – в густой тени капюшона. И бывалый вояка старательно делал вид, что ничего не замечает.

А, может быть, он и вправду ничего не видел?

– Ну, вперед, пошел!

Геллер посмотрел на лестницу. Затем его взгляд снова вернулся к мышастому силуэту. Вдруг его осенила догадка: да это же просто Смерть! И нет ничего удивительного в том, что ее не видит никто, кроме него… Все правильно: она ждет исполнения приговора. Чтобы потом увести за собой, в никуда… или в сады Хаттара, о которых столько говорят, но никто из живых воочию их не видел.

Понять это оказалось чрезвычайно просто. Так просто, что Геллер даже улыбнулся, проходя мимо Смерти. Выдохнул:

– Что, ждешь? Ну, уже недолго осталось…

– Жду, – согласилась она. Голос показался Геллеру молодым, но очень усталым.

Что ж. Значит, и вправду пора.

Ее ладонь мягко легла на плечо Геллера, пальцы чуть сжались – и Смерть потянула его в сторону от лестницы. Из-под капюшона донеслось невнятное бормотание.

– Погоди, я еще не дошел, – огрызнулся он, стряхивая пальцы с плеча. И тут же осекся, увидев, что вовсе не рука скелета цепляется за рубаху смертника.

Рука была молодой и очень бледной.

– Идиот! – сдавленно прошипела Смерть, – сюда, быстро! Не то все испортишь!

Уже совсем переставая понимать что-либо, Геллер шагнул в сторону и оглянулся. Тело его продолжало преспокойно подниматься на эшафот. И в то же время сам он стоял рядом с первой ступенькой, ощущая себя вполне живым.

– Пойдем, – Смерть уверенно вцепилась в его предплечье, – все вопросы задашь позже. Когда выберемся с площади.

Геллер недоуменно моргнул. Происходящее шло вразрез с его представлениями о переходе в мир иной.

– Да не умер ты, не умер, – обронила Смерть, – и, уж не знаю, за кого ты меня принял, но я – мастер иллюзий второго ранга. И зовут меня, между прочим, Камилла. Теперь – пошли, не останавливайся. Развяжу тебя чуть позже, не то *иллюзия* распадется.

* * *

Никем не замеченные, они ушли с площади, где в корзину скатилась голова командора Геллера Накори. Миновали белоснежные кварталы зажиточных горожан – и свернули в квартал Отбросов. Камилла по-прежнему шла чуть впереди, мертвой хваткой вцепившись в Геллера и буквально волоча его за собой. Она молчала – а он не находил слов, чтобы задать вопросы. Происходящее все еще казалось плодом воспаленного рассудка, и легкое касание смерти, что осталась на площади, по-прежнему холодило кровь.

Камилла дышала тяжело, хрипло – так могут дышать те, кто долгое время провел взаперти, отвыкнув ходить по земле… или… просто больны. Но, оскальзываясь в грязи, она продолжала упрямо идти вперед, словно каждый миг имел значение.

Наконец Камилла остановилась у полуразвалившейся хижины, слепо пялящейся на улицу провалами окон.

– Все, пришли.

И, кашлянув, сплюнула на землю кровавый сгусток.

Так вот почему она так дышала…

– Ну, а ты как думал? – зло прошипела мастер иллюзий, – за все надо платить. Или, полагаешь, мне легко было оставить на эшафоте иллюзию? Это, знаешь ли, не воздушные дворцы создавать… Давай сюда руки.

В тонких, перевитых синеватыми прожилками пальцах тускло блеснул нож, и через несколько минут Геллер уже растирал затекшие запястья.

– Я все еще не верю, – невольно выдохнул он, – ты… точно не Смерть?

Вопрос был глупым – но другого в голову не пришло. Камилла хмыкнула – и откинула капюшон.

– Как, по-твоему, должна выглядеть Смерть?

Она оказалась совсем молодой, не старше самого Геллера. Черные гладкие волосы обрамляли мертвенно бледное лицо. Тонкие брови, как птичьи крылья, распластанные в полете, взмывали к вискам. Миндалевидные глаза… Геллер ощутил, как желудок сжался в тугой, болезненный ком. Будучи воином и тенью своего владыки, он не боялся сойтись в бою с противником, превосходящим его. Он не боялся боли. Не боялся гибели, клинком рассекающей воздух. Но при этом, с самого раннего детства он не мог побороть в себе страха перед теми существами, которых жители империи называли *нелюдью*. Ибо что могла принести нелюдь человеку, кроме горя?

Быть беде, если встретишь нелюдь. Если раздавишь упыренка. Если…

Миндалевидные глаза были похожи на два полированных кусочка черного обсидиана. Непроницаемая – и вместе с тем бесконечно глубокая тьма залила и зрачки, и склеру.

Болотная ночница! Только этого не хватало… Геллер невольно отшатнулся.

– Чего уставился? – с немалой долей раздражения в голосе поинтересовалась Камилла, – готова поспорить, ты думаешь о том, как я тебя буду потрошить, да?

Геллер судорожно сглотнул. Пожалуй, если бы ему теперь предоставили возможность выбирать между лесной ночницей и казнью… Он бы, не колеблясь, выбрал быструю и простую смерть.

– Тьфу! Смотреть на вас, на людей, противно! – тяжело, с хрипом, выплюнула ночница, – строите из себя храбрецов… А эта ваша храбрость яйца выеденного не стоит!

Она резко толкнула дверь.

– Заходи. Прежде, чем ты отправишься дальше, поговорить надо. Не бойся, уж постараюсь тебя не съесть.

… Серый свет дня лился сквозь оконца, освещая убогую обстановку. Грубо сколоченное подобие кровати у стены, стол у окна и лавка, застеленная мешковиной. Опасливо покосившись на Камиллу, Геллер прошел вглубь комнаты и остановился у стены, не имея ни малейшего представления о том, чем все это может кончиться. Ночница тем временем ловко извлекла из-под кровати бутыль и два стакана.

– Садись, командор, садись. И не бойся меня – поверь, болотная ночница – далеко не самое страшное в этой жизни. Да, вот, давай опрокинем по стаканчику. И тебе пойдет на пользу, и мне. Что-то после этой треклятой магии мне совсем худо…

Не дожидаясь Геллера, она тяжело опустилась на лавку, откупорила бутылку, и по хижине поплыл запах хорошего вина. Налила себе пол стакана, залпом выпила. Потом закрыла глаза и несколько мгновений сидела, не шевелясь.

А Геллер со смесью страха и любопытства смотрел, как краски жизни – или ее подобия – возвращаются на бледное лицо. Не была бы Камилла болотной ночницей, он бы, пожалуй, счел ее красивой.

– Уффф… – страшные глаза вновь открылись, – налей себе, командор. Сразу полегчает. Ты ведь тоже много пережил, а вино… оно помогает смыть страх и боль.

Геллер взял бутылку, понюхал содержимое. Вино и вправду казалось хорошим, дорогим. Как бы не из императорских подвалов.

По горлу прокатилась теплая, приятная волна.

Затем еще одна.

Камилла молча наблюдала за ним. На ее лице застыла тусклая, безразличная улыбка. А по выражению глаз вообще было невозможно что-либо понять.

Страх когтистой лапой сжал горло. А вдруг… вдруг нелюдь просто ждет, пока он захмелеет? Чтобы…

Воображение тут же нарисовало столь впечатляющую картину «кровавого пира ночницы», что Геллера прошиб ледяной пот.

– Опять ты за свое, – Камилла пожала плечами, – что ж, самое время *поговорить*. А потом мы расстанемся – полагаю, навсегда.

Она подперла точеный подбородок бледным кулачком. И медленно, стараясь, чтобы смысл сказанного сразу дошел до Геллера, произнесла:

– Император заменяет казнь на изгнание.

Тишина. Тишина окутала Геллера плотным, почти ощутимым облаком. Даже капли дождя перестали барабанить по крыше.

– Что?..

– Император заменил твою казнь на изгнание, – устало повторила Камилла, – слушай внимательно, Геллер. Он принял это решение на рассвете. Но не казнить он тебя тоже не мог – поскольку он – император, а ты – сумасшедший, попытавшийся его убить. Потому он заставил меня, мастера иллюзий из Кайэрских болот, обмануть толпу и придворных. Даже палача. Я сотворила материальную иллюзию, которой отрубили голову. Это, конечно, непросто – даже для меня, но все же…

Перед глазами заплясали серые точки. То, что говорила болотная ночница… могло ли это было правдой?.. И – видано ли, чтобы владыка Великой Империи держал в услужении болотное зло?!!

Внезапно Геллер подумал, что, похоже, за все эти годы он так и не разобрался – а что же такое император Квентис Добрый. Слишком быстро юркий кареглазый мальчуган стал Императором, истинным правителем. Впрочем, сейчас можно было и признать, что Квентис никогда и никому не позволял себя понять.

– Он… – Геллер откашлялся, – император… он в самом деле оставил мне жизнь? И все это – не ловушка?

Камилла кивнула.

– С условием, что ты навсегда покинешь империю, командор. И еще – он приказал мне узнать, почему ты, кому он доверял более, чем всем прочим, так поступил.

Геллер внимательно посмотрел в нечеловеческие глаза темной нелюди. Ни проблеска света. Черная блестящая гладь гиблого омута.

– Я… благодарен императору за то, что он оставил мне жизнь. Но ему незачем знать причину, по которой я хотел его убить.

– Хорошо. – ночница равнодушно пожала плечами, – Император предвидел такой ответ. А еще он приказал передать напоследок, что дарит тебе то, о чем ты его просил. Ты волен идти куда пожелаешь, Геллер. И уж конечно, если тебе суждено погибнуть – то ты сможешь погибнуть, как подобает воину.

Геллер взглянул на Камиллу, и отчего-то ему стало нехорошо на сердце: на бледных губах темной нелюди застыла странная улыбка. Словно ей было известно нечто такое, о чем Геллеру знать не полагалось.

* * *

Уходя, болотная ночница показала Геллеру небольшой тайничок, где его ожидали одежда, оружие и увесистый замшевый мешочек, туго набитый золотыми кругляшками с профилем Квентиса Доброго.

Геллер переночевал в хижине, а поутру купил резвого жеребца и, никем не узнанный и не замеченный, покинул столицу.

Путь его лежал на запад – это командор решил еще ночью, пока ворочался без сна. Там, за топями Кайэра, куда не смогли дотянуться жадные лапы предков нынешнего властелина, жили полудикие кочевники. Народ, ценящий только свою свободу – и дикое, всепожирающее пламя войны. Одетые в шкуры, на мохнатых, коренастых лошадках кочевники незаметно просачивались сквозь Кайэрские болота и пускали кровь самодовольной империи. Пленных не брали. Никогда.

Геллер и сам не знал, почему он повернул на запад. Откуда-то появилась в его голове мысль, что обрести свободу можно только с теми, кто ценит ее превыше всего. Возможно, это были всего лишь чьи-то слова, услышанные еще в далеком детстве? Геллер не знал. Да и не задумывался.

Дорога, вспоровшая блекло-желтое покрывало степи, серой лентой ложилась под ноги коню. Небо – затянутое тучами, как и накануне, сыпало мелким холодным дождем. Закутавшись в плащ, гордо выпрямившись в седле, командор Геллер Накори покидал империю.

Когда-то империя была для него всем. Теперь… остался только прах безликих, суетных желаний, над которым легким дымком еще вились воспоминания прожитых лет.

Когда же все это началось?

… До того, как гонцы доставили Геллера и еще сотню детей ко двору, он не считал годы. Даже не знал, сколько ему лет – и в этом не было ничего удивительного: бедняки живут сегодняшним днем, предпочитая не вспоминать прошлое – и не задумываться о будущем. Когда его забирали, Гейла, сестренка, уже начала ходить, с трудом передвигая искривленные болезнью ноги. Девочка была младше Геллера, он хорошо помнил тот день, когда она появилась на

свет. И также хорошо помнил, как, несколько лет спустя, едва смог отбить ее у дикого пса. Правда, у Гейлы осталась отметина на всю жизнь – рваный шрам через ключицу…

Тогда Геллер не подозревал, что сотня оборванцев, собранных в столице с близлежащих земель – всего лишь игрушки для подрастающего наследника. Как оказалось в последствии, будущий император хотел развлечений. Но разве достойно наследника великой державы забавляться так, как это делают дети простых смертных?

Прошли годы. Император вырос. А мальчишки, привезенные для него, стали элитой гвардии, охраной властелина. Сам Геллер, по непонятной причине, пользовался особыми милостями Императора, тенью следовал за ним. У Геллера не было ничего. Да и сам он принадлежал Императору.

Порой Геллер думал о своей семье и о том, что могло с ней статься за эти долгие и так незаметно пролетевшие пятнадцать лет. Довелось как-то побывать в родном поселке, но он не застал не то что семьи, даже тех людей, кто мог бы что-нибудь сказать о ней. Единственное слово, страшное и беспощадное, осталось от той поездки – мор. И Геллер решил, что те, кого он так любил, давно отошли в мир иной.

Это оказалось на удивление тяжело и больно. Он возжигал благовония на алтаре всех богов, чтобы души родных насытились белесым, тающим в полумраке храма дымом. И, до рези в глазах вглядываясь в сплетение света и теней, видел их такими, какими вынес, спеленал в зыбких покровах памяти из своего недолгого детства.

… А потом случилось то, чего он никак не мог ожидать, будучи верной тенью Императора. Вообще, Геллер всегда знал, что беда является без стука – пинком распахивает дверь.

– Ну что, командор, прогуляемся?

– Да, мой повелитель.

– Возьми с собой Эргоса, Керма и Ларри.

– Да, мой повелитель.

С некоторых пор император питал слабость к обществу самого презренного сброда и продажных женщин. А охрана должна была следовать за своим повелителем.

И вот – грязный притон на окраине города. Одноглазый сутенер, подобострастно изогнувшись перед многозначительностью черной маски и блеском золотого шиться на камзоле, что-то прошептал властелину. Тот, рассмеявшись, кивнул.

…Девушку притащили волоком. Геллер со смесью жалости и омерзения посмотрел на нее, на грязные лохмотья, едва прикрывавшие тело, перевел взгляд на императора и поспешно отвернулся. В конце концов, ему не было дела до развлечений владыки.

– Глядите, милорд! Хоть у нее и кривые ноги – но личико, как самая прекрасная роза!

Схватив нищенку за длинные черные волосы, одноглазый заставил ее поднять голову и посмотреть на императора.

В тот миг Геллер подумал, что и в самом деле – никогда еще не видел ничего подобного. При дворе было много красивых женщин, но все они носили на своих лицах печать порока. Лицо же юной девушки дышало свежестью… и невинностью.

– В самом деле, – задумчиво молвил владыка, – где вы ее нашли?

– Пришла утром в город. Ищет кого-то… Да и попала к нам! – одноглазый сплюнул на пол, – ну так что, милорд? Десять золотых. Разве много за такую жемчужину?

Свежее личико несчастной исказилось от боли. Она рванулась вперед, к императору.

– Господин! Господин! Отпустите меня… зачем… я вам нужна?…

По ее чумазым щекам покатились слезы.

– Позвольте… мне уйти… милорд! Зачем, зачем вам жалкая нищенка?

Она уже рыдала, и худенькие плечи тряслись под задубевшими от грязи лохмотьями.

– Замолчи, – холодно обронил император. В его холеных пальцах жарко блеснуло золото, отразилось в единственном глазу сутенера.

Монеты перекочевали из рук в руки. Император подошел к распластавшейся на грязном полу нищенке и, грубо схватив ее за локоть, поставил на ноги. Прошипел:

– Дура! Прекрати реветь!

…Все произошло слишком быстро.

Непонятно, где она ухитрилась припрятать нож так, что его никто не нашел. Только в полумраке сверкнуло лезвие – и Геллер едва успел перехватить худое, но крепкое запястье.

На миг воцарилась мертвая тишина. А потом… Холодно улыбнувшись, император выхватил кинжал из девичьих пальцев и всадил ей в грудь по самую рукоятку.

Геллер ощутил, как мигом обмякло в его руках хрупкое тело. Голова девушки запрокинулась; жизнь стремительно угасала в чистых серых глазах. И все же… он успел увидеть в них себя – растерянного и беспомощного. Губы умирающей задвигались, и было неясно, то ли это попытка вдохнуть, то ли желание сказать последние слова. Командор невольно склонился к ее лицу, и…

Увидел шрам. Застарелый рваный шрам, следы зубов на хрупкой ключице.

Чувствуя, как во рту собирается горечь, Геллер вгляделся в бледное лицо умирающей. За ее жизнь еще минуту назад он не дал бы и медной монеты.

Гейла?..

Девушка улыбнулась. Все той, далекой улыбкой, которую умудрилась пронести сквозь годы. А потом ее тело судорожно дернулось, по подбородку потекла тоненькая струйка крови – и волшебные глаза закрылись. Навеки.

В зале стало очень темно.

И подозрительно тихо.

В сгустившемся мраке Геллер видел только одного человека – императора. На золотом шитье его камзола плясали кровавые отсветы пламени очага.

Осторожно положив Гейлу на пол, командор выхватил меч из ножен и рванулся вперед, к застывшей в растерянности фигуре властелина.

… Впрочем, убить императора ему не дали. Только Ларри, приятель Ларри погиб зря, став на пути.

Почему, Геллер? Почему?

…Дорога серой лентой ложилась под ноги коню. Небо плакало холодным осенним дождиком, размазывая акварель унылого пейзажа.

* * *

Глубокой ночью Геллер добрался до деревни. Словно замерзшие котята, оставшиеся без матери, избы сгрудились в стороне от дороги. Если бы не костры, так бы и проехал мимо, не заметив.

Костры…

Верный признак того, что жителей донимает нелюдь.

Потому что только жаркое пламя в силах отпугнуть ночной народ от исходящей вкусным человеческим запахом деревни.

Он спешился и, ведя коня на поводу, пошел вперед, к дрожащим кругам света.

То, что с первого взгляда почудилось Геллеру кучей тряпья, невесть зачем брошенной у пылающего костра, оказалось дозорным, с трудом удерживающим в трясущихся руках тяжелый армейский арбалет.

– Стоять! Ты кто будешь?!!

В золотистых отсветах лицо парня показалось Геллеру совсем молодым.

– Ищу ночлега, мил человек, – он замер на месте, давая возможность хорошенько себя рассмотреть.

– Ночлега?.. – в голосе парня скользнули истеричные нотки, – здесь?!! А ну… Открой рот!

Геллер подчинился, изо всех сил стараясь хранить спокойствие. Дозорный привстал на цыпочки, щурясь. Потом с видимым облегчением вздохнул и опустил оружие.

– Ты уж прости, господин хороший, – он покачал головой, – зеркальник тут появился. Скотину всю загубил, гад! Двоих детей утащил… И никакого спасения… Вот я и думал… Кто еще станет по ночам шататься?

Геллер усмехнулся. Немудрено, что жгут ночи напролет костры! Зеркальники всегда считались самой страшной нелюдью. Да и куда хуже они болотных ночниц и упырей – если первые наделены разумом и магическим даром, но заперты в своем теле, а вторые – могут перевоплотиться, но – тупые и медлительные, как ходячие трупы, то зеркальники, будучи разумными, могли по желанию своему принять любую форму, выведанную в сознании жертвы. Те, кому посчастливилось уцелеть в схватке с зеркальником, сдавленным шепотом рассказывали за стаканом крепкой браги, как проклятущие твари копались в памяти – и принимали облик умерших родных и близких людей, тех, на кого рука не поднимется, чтобы рубить сплеча…

– Да, плохо дело, – Геллер поглядел в самое сердце костра, – ну а переночевать-то пустите? Я уж монет не пожалею.

Паренек затравленно оглянулся на избы, сгрудившиеся за его спиной.

– Да нет, не получится, мил человек. Наши и днем не привечают путников, а уж ночью… Зеркальник бродит, сам понимаешь.

Геллер тоскливо посмотрел на покосившиеся избы. Жаль. Как хорошо было бы лечь на лавку и проспать до утра – не под моросящим дождем, а в сухости и относительном тепле. Да и коню не мешало бы овса подсыпать…

– Ну, а у костра можно посидеть?

Казалось, подобная перспектива куда как больше пришлась дозорному по душе.

– Сиди, мил человек. Коня привяжи к плетню, я ему сенца подброшу.

Геллер не заставил себя долго ждать. Через несколько минут он уже протягивал к плюющемуся искрами костру руки, полностью отдаваясь ощущению разливающегося по озябшим пальцам теплу. Дозорный приволок откуда-то вязанки сухих дров, подбросил по нескольку поленьев в костры. Затем уселся напротив Геллера – так, чтобы их разделял огонь. И, разумеется, чтобы успеть разрядить в незваного гостя арбалет.

– Зовут тебя как? – спросил Геллер.

– Ночью нехорошо произносить имя свое. *Они* могут подслушать, – назидательно пробурчал дозорный.

Командор пожал плечами. Несчастные, запуганные люди! Неужто не объясняют им, что нелюдь не имеет власти над человеком через его имя?.. Видимо, не объясняют…

– Я Геллер, – просто сказал он, – ежели что – разбудишь.

В конце концов, дозорный отоспится днем, а ему предстоит дальний путь.

Правда, оставалась опасность появления зеркальника – но Геллер, привыкший быть тенью императора, спал чутко и не сомневался, что проснется, едва заслышав что-либо подозрительное.

А потому, подложив под голову мешок и завернувшись в плащ, командор закрыл глаза.

…Геллеру приснилось, что он снова идет к эшафоту, что снова с серого неба срываются холодные капли дождя. Только на сей раз у ступеней уже не ждала его серая фигура Камиллы. Чувствуя странную пустоту и безразличие к происходящему, Геллер поднялся на эшафот, выслушал приговор и, бросив последний взгляд на балкон, где восседал император, положил голову на плаху. Скоро… ему предстояло встретиться с Гейлой, которую он не уберег от гибели. Помост жалобно скрипнул под тяжелой поступью палача.

Что-то просвистело в воздухе, толпа на площади взорвалась криками, и… В этот миг он открыл глаза.

* * *

В серых предрассветных сумерках вопила молодая женщина, выскочив из дальней избы в одном исподнем.

– Увел!!! Забра-ал, проклятый!

Вцепившись ногтями в собственное лицо, она упала на колени в расквашенную дождем глину.

Из соседних изб высыпали заспанные мужики, в маленьких оконцах бледнели испуганные лица.

Геллер быстро протер глаза и сел. Пока на него не обращали внимания, но на всякий случай следовало подготовиться ко всякого рода вопросам. Поискал взглядом вчерашнего дозорного – тот суетливо бегал вокруг бородатого крепыша (наверное, старосты), и, отчаянно размахивая руками, что-то пытался доказать. Затем его палец проткнул воздух в направлении сидящего Геллера. Женщина выла, не замолкая ни на минуту, пока один молодец не оглушил ее ударом кулака и не унес в дом.

Процессия из десяти крепких мужиков направилась к Геллеру.

– Я… я зубы ему смотрел!.. – визгливо оправдывался дозорный, – человек он, Каду, человек!

Староста досадливо отмахнулся от него, как от надоедливой мухи. По-хозяйски уперев руки в плотные бока, несколько минут хмуро разглядывал Геллера. Потом перевел тяжелый взгляд на дозорного.

– Ты что же, дурак, служивого человека ночевать под открытым небом оставил?

– А что мне было делать? Посреди ночи к тебе в дом вести? – огрызнулся парень, – ведь никто не пустил бы!

Староста помолчал. Потом растянул губы в неком подобии гостеприимной улыбки и снова повернулся к Геллеру. Нервно вытер ладони о не очень чистую рубаху.

– Ты уж прости дурака, господин хороший. Видишь, бедствуем мы. Вот и сейчас на рассвете проклятая тварь ребенка увела. Прикинулась усопшей бабкой – да и выманила из дому, пока мамаша спала.

Геллер поднялся на ноги, степенно поклонился.

– Я благодарен даже за такой ночлег, уважаемый. Теперь… я могу продолжить свой путь…

И вдруг… память услужливо подсунула устрашающе ясную картинку: у ног императора поразительно красивая нищенка в лохмотьях. А он, Геллер, старательно отводит взгляд и пытается не думать о том, какая судьба ждет игрушку владыки. Если бы… если бы он попробовал спасти нищенку, возможно, он спас бы Гейлу. Не слишком ли часто он *отворачивался*, ослепленный блеском золота на камзоле Императора?

– Почему же до сих пор никто не попытался изловить гада? – глядя в темные, колюче глаза старосты, тихо поинтересовался Геллер.

Тот всплеснул руками.

– Да кто ж полезет в логово, господин хороший?!! Крестьяне мы все, и меча в руках не держали. Только вилы да топоры!

– Надо попробовать, – пробормотал командор. Перед глазами, как живое, стояло чумазое личико сестренки, – вдруг ребенок еще жив?

… Желающих набралось три человека. Не много, но – вполне достаточно для того, чтобы, по разумению Геллера, изрубить зеркальника. Среди них затесался и припозоренный старостой

паренек-дозорный – оказалось, звали его Ларри. По злой иронии судьбы – точно так же, как приятеля Геллера, им же самим зарубленного в беспамятстве.

Еще двоих – братьев-близнецов – звали Кем и Нем.

Геллеру указали направление, где нет-нет, да мелькал зеркальник в своем обычном облике уродливого, тощего человека с четырьмя ногами; добровольцы простились с семьями – и пошли.

Пока шагали через вспаханное поле, с трудом вытягивая ноги из раскисшей земли, командор пояснял:

– Увидите кого из умерших, бейте сразу, не дожидаясь, пока тварь первая нападет. Яд у зеркальника сильный, тут ничего не поделаешь…

– Да как же это? – прохныкал Ларри, – в отца родного стрелу всадить?

– Закрывай глаза и стреляй, – Геллер только пожал плечами, – иначе – станешь обедом. Он ведь на то и рассчитывает, что мало кто близкого человека – пусть даже умершего – сможет убить. А вы должны быть готовы к этому. Иначе никто не вернется.

Близнецы молчали, насупившись, о чем-то усиленно размышляя.

… Лес встретил их недовольным молчанием. Нехороший, гнилой лес – отчего-то портится та земля, где поселяется нелюдь… Вот, к примеру, все знают, что болотные ночницы селятся в топях – а, может быть, сами Кайэрские болота появились уже после того, как в те места пришли ночницы?

Пахло гнилью и разложением. Черные, оголенные ветви, местами покрытые яркими пятнами плесени, в немой мольбе тянулись к серому небу – словно оно могло им чем-то помочь. Кое-где стволы покрывала белесая слизь.

Одним словом, место, где поселился зеркальник.

Взяв меч наизготовку, Геллер осторожно пошел вперед.

Тишина. Только нет-нет, да хрустнет под сапогом ветка. Слишком тихо, слишком…

Геллер резко обернулся – и не поверил собственным глазам: храбрецы-добровольцы, даже не войдя в лес, изо всех сил удирали, через поле, увязая в жирной земле.

Он сплюнул на землю и выругался.

Никто не посмеет пенять ему, если повернуть обратно.

И вдруг… Геллер услышал жалобный детский плач.

Ребенок, украденный проклятой тварью, был еще жив!

Быть может, он будет жить еще несколько мгновений, если повернуть обратно. А еще, быть может, этому ребенку посчастливится прожить долгую, в меру счастливую жизнь, если…

Если поторопиться.

Геллер рванулся вперед, на звук, на ходу разрубая мертвые, но все еще цепко сплетенные пальцы колючего плюща.

И совсем неожиданно вылетел на небольшую полянку, посреди которой торчал старый, замшелый пень.

Здесь все было настолько загажено слизью, что не возникало сомнения в том, где устроил нору зеркальник. Кое-где валялись кости и животных, и – человеческие. В основном, мелкие, детские. Взрослого человека не утащить так просто, как ребенка.

Плач не утихал, доносился как раз из-за пня.

Затаив дыхание, Геллер обошел его. Тихо выругался. Все это… иллюзия. Теперь ребенок надрывался где-то под вспученными корнями… Неужели придется лезть в нору?!! Но это – верная смерть…

Геллер набрал в легкие побольше воздуха.

– Выходи, тварь! Выходи!!! Что, не видишь, у тебя гости?

Плач оборвался. И наступила тишина.

С омерзением хлюпая по покрытой слизью траве, оскальзываясь, Геллер еще раз обошел пень. Нора… где-то она должна быть, эта нора… Ведь зеркальник не такой уж и маленький, чтобы просочиться под корни…

– Выходи!!! – голос командора запутался в гниющих пальцах ветвей.

Зеркальник не торопился.

Возникло неприятное ощущение, что тварь затаилась и наблюдает, не торопясь показаться на глаза. Между лопатками неприятно покалывало, словно тяжелый взгляд нелюди буравил спину.

Геллер резко обернулся.

…И увидел самого себя.

Как будто смотрел в огромное зеркало, в котором отражались мертвые деревья, осквернённая земля и серое, оплакивающее чью-то судьбу небо.

Тоненький голосок рассудка успел пискнуть: но ведь зеркальник принимает облик только тех, кого уже нет среди живых!

Руки онемели. Да, перед Геллером стоял зеркальник, мерзко ухмыляясь – командору даже и в голову не могло прийти, что у него самого может получиться столь отталкивающая усмешка…

Значит, он мертв? Но… ведь это невозможно!..

Геллер стиснул зубы – до ломоты в висках. Казалось, что время остановилось – отчего же еще он, тренированный воин, так медленно заносит меч?..

Он потерял одно лишь мгновение.

Но этой заминки вполне хватило зеркальнику, чтобы всадить отравленные когти в ничем не защищенную шею. Геллер даже не почувствовал боли, даже не успел понять – а что, собственно, произошло. Только мир перед глазами вздрогнул и потемнел. А зеркальник дернулся, уходя в сторону из-под удара. Но не успел.

Клинок, очертив в воздухе сверкающую дугу, опустился на плечо твари, разрубая ее наискосок.

Зеленая, зловонная кровь щедро плеснулась на Геллера, смешиваясь с его собственной. Тени сгущались; только высоко в небе тучи вдруг разошлись, и он увидел чистое, умытое солнце.

* * *

…Камилла выжидающе уставилась на низенького, круглого человечка. Кажется, звали его лорд Тэр, но она уже очень давно не придавала значения людским именам. Все они были одинаковыми, эти люди – с манящей, мягкой плотью, которую так приятно рвать зубами.

– Квентис Добрый, волею Хаттара владыка Империи, дарует тебе жизнь, тварь.

Вот и прекрасно. Камилла подумала о том, как ночью потихоньку выберется за пределы Алларена и неспешно двинется в Кайэрские топи, чтобы повидать Королеву… Она умоляюще протянула стоящему рядом человеку руки, закованные в тяжелые и зачарованные кандалы, но тот и бровью не повел. Ждал приказа.

Лорд Тэр отчего-то нахмурился.

– Скажи, что ты такого внушила командору? Похоже, он отправился на небеса вполне счастливым человеком…

Камилла глухо заурчала. Да какое им дело, этим недалеким, трусливым созданиям?!! Она – любимица Королевы, ее даже называли в благословенном Кайэре мастером иллюзий, и ей ли отчитываться?..

– Я сделала все, как надо, – прошипела она зло, – отпусти. Вы обещали… Слово Императора было дано!

– Верно, – тонкие губы лорда тронула усмешка, – Квентис держит слово, пусть даже и данное *темной нелюди*.

Он кивнул одному из рослых, молодых и – ах, невероятно вкусно пахнущих мужчин.

– Тебя отвезут за пределы Алларена и отпустят, – обронил лорд Тэр, – благодари судьбу, что легко отделалась. И… Да, чуть не забыл. Император приказывает, чтобы ты передала вашей *Королеве*… Что он не отказался бы иметь в своем распоряжении пару-тройку ночниц, которые бы *добровольно* служили ему.

Камилла покорно кивнула. Обещать можно все, что угодно… В конце концов, стыдоба-то какая – ночница в услужении людям! Да это хуже, чем быть просто убитой… Камилла даже не собиралась никому рассказывать о том, что купила собственную жизнь за иллюзию для приговоренного к смерти. Ведь, если бы не застыла на губах казненного вечная улыбка, никто бы ее не отпустил живой…

Глава 3
Прекрасная дама для рыцаря

…Когда Гилларду стукнуло десять лет, отец принялся обучать его портняжному ремеслу.

Как ни крути, единственный наследник, которому со временем перейдет все нажитое отцом и матерью добро. И, хоть и не испытывал Гил благоговения при виде скатанных в тугие рулоны тканей, ниток, булавок и прочих столь необходимых портному мелочей, пришлось ему целыми днями просиживать с отцом над тонкими сорочками, богатыми кафтанами и пышными платьями. Сперва ему было доверено пришивать крючки, затем – подшивать подол, а под конец Гил собственноручно раскроил и сшил первую сорочку.

Гиллард старался, боясь огорчить отца, и все, что бы он ни делал, получалось вполне сносно; но в глубине души маленький портняжка был крайне недоволен той жизнью, которую вел в тихой лавке.

Орудуя иголкой и наперстком, Гил грезил о приключениях; в каждом крючке ему мерещилась пряжка от рыцарского доспеха, а в каждом кафтане – латы, овеянные дыханием магии, что делало их обладателя неуязвимым для нелюди. Пока он возился с ножницами и кусками полотна, перед мысленным его взором разворачивались картины великих подвигов, героем коих был он сам. То он спасал от злобного дэйлор юную деву с золотыми косами, то помогал искоренить шайки разбойников, осевших у купеческого тракта и грабящих всех подряд. В конце концов, каждый мальчишка мечтает о приключениях, а у Гила за всю его жизнь таковых случилось только два.

Первое случилось давно, целых четыре года назад, да и приключением все это можно было назвать с большой натяжкой. Тогда Гил с приятелем Кержеком ранним утром убежали смотреть на казнь командора императорской армии, о которой только и судачили взрослые. Как же, этот неблагодарный посмел поднять руку на самого Императора; слава Хаттару, владыка остался жив! Толпа начала собираться еще до восхода, и, когда мальчишки добрались до площади, яблоку было негде упасть. Но Кержек не зря слыл сорвиголовой портняжного квартала; он потащил Гила к высоченной дворцовой ограде. Конечно, это было далековато, но оттуда открывался отменный вид на место предстоящей казни. Вцепившись в чугунные завитки, мальчишки повисли в десятке локтей от земли и стали ждать.

День тогда выдался отвратительный; с самого утра было ясно, что пойдет дождь. Тяжелые тучи, с животами, полными воды, только и ждали момента, чтобы обрушить на жадных до зрелищ горожан струи ледяного ливня. Ветер прохватывал до самых костей, зубы выбивали мелкую дробь.

Потом раздались крики, появился обитый черным возок с приговоренным. Гил удивился; ему всегда думалось, что негодяй, поднявший руку на императора, должен и выглядеть отвратительно. Каким-нибудь уродцем, злобным горбатым карликом. Командор же выглядел вполне обычным человеком; зоркий Гил это подметил даже со своего места. И, шагая к эшафоту, он ни разу не опустил головы; казалось, взгляд командора был прикован к балкону, где восседал владыка империи.

В это время Кержек свистящим шепотом напомнил: «сейчас ка-ак отрубят голову!»

Но Гил только скривился. Злодей не выглядел злодеем, и теперь уже Гилу стало жалко этого молодого мужчину, который очень скоро отправится в небесные сады.

Когда преступник подошел к обитому черным помосту, от толпы отделилась неприметная серая фигура, дождалась приговоренного у лестницы и мимоходом пожала ему руку. Гиллард подумал, что это, должно быть, мать командора пришла проститься со своим сыном; ему стало совсем грустно, он уже жалел, что поддался на уговоры Кержека и пошел глядеть на

казнь. Потом командор решительно взошел на эшафот, оглядел притихшую толпу… у Гилларда отчего-то запершило в горле; ему вдруг померещилось, что когда-то очень давно он уже видел этого человека. Лицо Геллера Накори было знакомым Гилу, и мальчишка совсем растерялся. Ведь они никогда раньше не встречались!..

Командор спокойно опустился на колени, положил голову на плаху. Гил зажмурился. Его мутило, пальцы немели от холода чугунной ограды.

Еще несколько мгновений – и толпа взорвалась одобрительными воплями.

– Эй, ты что это?

Голос Кержека с трудом пробивался сквозь многоголосый рев людского моря.

– Давай, слазь, уже все.

Гиллард осторожно открыл глаза и, стараясь не смотреть больше в сторону черного помоста, начал спускаться.

А дома он получил нешуточную взбучку. Отец негодовал, а матушка тихо плакала, утирая покрасневший нос маленьким платочком. И, хоть убей, Гиллард не мог понять, что же именно так огорчило родителей – то, что он отправился на казнь, никому не сказав ни слова, или же то, что он вообще туда пошел. Оказалось, второе.

– Тебе не нужно было туда ходить, – строго сказал отец, – ты еще мал, и ничего не понимаешь. А Геллер, покойный командор Геллер, он…

Оборвав себя на полуслове, замолчал и ушел кроить новый кафтан. Так и закончилось первое приключение Гилларда.

Второе же само нашло его прошлым летом. Даже не нашло, а напало. Все потом удивлялись, как незамеченным забрел в Алларен зеркальник…

До того дня Гилларду только приходилось слышать об этих страшных тварях, темной нелюди, как их называли взрослые. Говаривали, что зеркальник может принять вид умершего знакомого, или родственника – и тогда, подобравшись совсем близко, нападает. А истинная личина зеркальника – тощенький, невысокий человечек, кожа покрыта зловонной слизью, рот полон игл-зубов, да еще когти – острые, как ножи… Но все это можно увидеть только в том случае, когда зеркальник подобрался совсем рядом, и нет спасения…

Поутру отец отправил Гилларда отнести две сорочки булочнику, которые тот непременно хотел получить до зимнего Солнцеворота. Выполнив поручение, Гил спокойно отправился домой, но, не доходя квартала, вдруг увидел… Нет, это было не привидение! Навстречу Гилу бодро шел казненный командор Геллер. Он улыбался и, заметив мальчишку, приветливо помахал ему рукой и поманил к себе. Гиллард почувствовал, как во рту собирается горечь. Все происходящее казалось… неправильным. Разве не отрубили командору голову на площади, перед многоликой толпой? Гил невольно попятился, не сводя глаз с улыбающегося Геллера. И вроде бы не призрак, вполне здоровый и живой человек. Но разве такое возможно?

Их разделяло несколько шагов. Гил, остолбенев, смотрел и смотрел в лицо Геллеру – и снова проснулось то странное чувство, что когда-то давно… они уже встречались. Командор, словно читая его мысли, кивнул.

«Да, да… Разве ты забыл меня? Ты очень хорошо меня знаешь, малыш… Очень».

И в этот миг что-то темное метнулось из-за угла на командора. Ударило его в грудь, свалило на мостовую…

Морок схлынул. И Гил, словно в самом худшем из кошмаров, увидел уже не доброго и казненного Геллера, а нагое, покрытое зеленоватой слизью тело.

Увидел он и страшные когти с желтыми капельками яда, и страшные, выпученные глаза, похожие на глаза уснувшей рыбины, и разверзнутую пасть, полную игольчатых зубов.

Но сейчас чудовищу было не до Гилларда; страшные когти терзали плоть растрепанной седой женщины, что на него кинулась; зубы рвали ее ключицу в попытке добраться до горла.

Тут бы Гилу и бежать, но он не мог пошевелиться. Просто стоял и смотрел на катающийся клубок сплетенных тел. Откуда-то потянуло сладковатым гнилостным запахом.

Потом… все закончилось. Зеркальник дернулся и затих; из перегрызенного горла текла кровь, тут же темнея и сворачиваясь черными сгустками. Женщина тоже лежала неподвижно; ее ветхая одежда была в ядовитой слизи, плечо превратилось в кровавые ошметки. И – никого вокруг. Тишина и пустота на одной из самых оживленных улиц Алларена.

Сглотнув, Гиллард осторожно шагнул к спасшей его незнакомке. Ему было страшно, так, что подгибались коленки. Но все же он знал, что должен взглянуть в лицо тому, кто вырвал его из лап зеркальника. Даже если она уже шагает по Небесным дорогам…

Но нет. Белая тонкая рука шевельнулась, и Гил услышал тихий стон. Затем, очень медленно, женщина повернулась набок и начала подниматься. Мальчишка бросился к ней; в голове билась с ударами пульса мысль о том, что она жива, жива! И сейчас следует помочь ей, довести до дома, промыть и перевязать раны…

– Не приближайся, – прохрипела она, – яд… везде… яд…

Посидев немного, женщина отбросила назад длинные спутанные волосы, и тут Гиллард впервые увидел ее лицо.

Даже измазанное кровью и зеленой стынущей слизью оно было красивым. Невероятно красивым – и точно также невероятно бледным, словно краски жизни уже очень давно покинули его. Женщина, не отрываясь, смотрела на Гила, а тот понял, что попал из огня да в полымя. Ибо она тоже не была человеком; огромные глаза залила непроглядная чернота, глянцевая, как полированный черный обсидиан, ведьмин камень.

Гиллард поперхнулся воздухом. Недоуменно глядя на чудовище, он не знал, что и делать. Болотная ночница, тварь, ничем не лучше зеркальника… Но ведь она все-таки спасла его, обыкновенного мальчишку? Почему?.. Чтобы отбить добычу?

Губы нелюди дрогнули, раскрываясь в улыбке – и он увидел страшные игольчатые зубы, которыми она разорвала горло зеркальнику.

– Не бойся, – прошелестела ночница, – не бойся меня… мой храбрый воин…

В этот миг все поплыло перед глазами Гилларда, и он с головой окунулся в непроглядный мрак беспамятства.

Очнулся дома, в постели. Опять тихо плакала мать, а отец смотрел как-то задумчиво и скорбно. Когда Гиллард рассказал им про зеркальника и ночницу, родители ушли из комнаты и о чем-то долго спорили за дверью. Ему хотелось подслушать, о чем – но не было сил подняться. Гиллард заснул. Но с того дня болотная ночница частенько являлась ему в снах и называла храбрым воином.

* * *

…Прекрасная дама, объект поклонения любого настоящего рыцаря, появилась внезапно и, как грозовой ветер, взбаламутила тихую жизнь невольного узника ножниц и булавок. Это случилось в яркий летний день, когда Гил сидел у окна и, разложив на коленях сорочку, со всем надлежащим усердием пришивал тесьму. Было жарко; золотой сноп лучей косо падал на колени Гилу и, соскальзывая вниз, рисовал большой светлый лоскут на дощатом полу. Гил трудился, время от времени промакая лоб тряпицей и вытирая вспотевшие пальцы; в мыслях он был весьма и весьма далек от сорочки. Словно выпущенная стрела, пригнувшись к конской спине, рыцарь Гиллард Великолепный летел по нескошенному лугу; в лицо бил свежий, напоенный запахом разогретой зелени и земли ветер; за спиной – уютно пристроился верный меч… И – Хаттар Всемогущий – как же он хотел, чтобы все это стало настоящим, а не только призрачными видениями!

– Прошу прощения. Могу я увидеть мастера Ринта?

От неожиданности Гил едва не выронил шитье. Надо же! Оказывается, он так замечтался, что не заметил посетительницу…

– Мастер отлучился по делам, – все еще будучи не в силах вырваться из объятий грез, Гил поспешно воткнул иглу в полотно, отложил сорочку на подоконник и, вскочив, поклонился, – быть может, я могу вам помочь?

Он заморгал, стараясь разглядеть посетительницу; так бывает, когда после яркого солнца пытаешься смотреть в полумрак: перед глазами запрыгали пятна, и казалось, что в двух шагах царит непроглядная темень.

Она шагнула навстречу, ближе к окну, и приветливо улыбнулась. А Гил ощутил, как кровь прилила к щекам… Потому как эта утренняя посетительница была самой настоящей прекрасной леди, о какой только мог мечтать настоящий рыцарь. Ну, или тот, кто собирается оным стать.

Пожалуй, она была его ровесницей. Солнечный свет запутался в распущенных по плечам золотистым и тщательно завитым локонам. Широко распахнутые глаза в обрамлении искрящихся пушистых ресниц напоминали вечернее небо – густого синего цвета. Когда она улыбнулась, то на розовых щечках появились премилые ямочки.

Сраженный в самое сердце, Гил еще раз поклонился и растерянно промямлил:

– Если вас не затруднит, вы могли бы подождать мастера Ринта.

– Хорошо, – красавица огляделась в поисках свободного стула. Гил бросился подавать ей табурет, зацепился о ножку стола и едва не упал. Испугавшись, что его сейчас засмеют, Гил окончательно смутился. Наверное, он стал красным, как вареный рак; но милое создание и не думало смеяться.

Она серьезно поглядела на Гила.

– Вы, наверное, сын мастера Ринта?

И, дождавшись утвердительного кивка, продолжила:

– Меня зовут Лаури. Мы недавно переехали в Алларен, купили дом неподалеку. Мой отец – лучший краснодеревщик земель западнее Вельмероны. А вас как зовут?

– Гил… Гиллард.

Он топтался, не зная, куда деть руки, и чувствовал себя страшно неуклюжим по сравнению с красавицей Лаури, воплощением грации.

Тем временем она аккуратно уселась на добытый Гилом табурет, расправила складки нежно-голубого платьица.

– Говорят, ваш отец – хороший портной. Мы бы хотели заказать несколько тонких сорочек и новый кафтан для моего отца.

– Он должен скоро вернуться, – Гил наконец нашел в себе силы посмотреть Лаури в лицо. И его посетила мысль, что за нее он бы, не сомневаясь, отважился на любой подвиг.

– Вы тоже станете портным? – она кокетливо убрала со лба непослушный локон.

– Да, наверное.

И Гиллард невольно вздохнул. Уж кем-кем, а портным ему становиться совершенно не хотелось. Эх, раздобыть бы меч, или, на крайний случай, наняться к какому-нибудь рыцарю оруженосцем…

– А я не стану такой, как отец, – задумчиво обронила Лаури, – мне все говорят, что когда-нибудь я выйду замуж за принца… А вы как думаете?

Гиллард замялся, не зная, что и ответить. Отчего-то ему стало неприятно при мысли о том, что Лаури будет жить во дворце с каким-нибудь изнеженным и избалованным отпрыском Императора… И, сам того не ожидая, брякнул:

– А я бы хотел стать рыцарем. Настоящим. Чтобы и конь был, и меч, и доспехи.

– Но дети портных не могут быть рыцарями, – рассудительно заметила красавица. Гиллард словно бы и не слышал.

– Я бы совершал подвиги, великие подвиги, о которых барды складывали бы песни! Я бы стал таким, как…

На языке вертелось «как командор Геллер», но в этот миг распахнулась дверь и – хвала Небу! – появился отец. Мастер Ринт.

Лаури встала, учтиво поклонилась, чем вызвала добродушную улыбку на губах портного.

– А, у нас посетительница! Душенька, вам еще не надоел мой сын-мечтатель? Ну, Гиллард, поди-ка на задний двор, погляди, чего я привез. А вы, душенька, присаживайтесь, чего стоять-то? Нечасто к нам заглядывают принцессы…

Гил невольно поморщился и, раскланявшись, ушел. Но с тех пор в его мечтах появилось новое лицо. Красавица, которую он неизменно спасал и во имя которой вершил подвиги. Кроме того, выяснилось, что Лаури живет совсем неподалеку, презирает общество ровесниц-уродин, и что отец ее, мастер по дереву, вовсе не будет злиться, если Гил иногда будет заглядывать в их маленький садик.

* * *

… Над Аллареном полыхал закат. Солнце только-только село, но вся кромка неба была залита малиновым соком; слоистые облака лились на север, задевая распростертыми крыльями закатный багрянец. Пахло яблоками. В траве бойко трещал кузнечик.

– Значит, все, что угодно? – лукаво переспросила Лаури.

Гил кивнул. Что тут говорить еще? Он опустил глаза и не смотрел на Лаури, иначе обязательно бы увидел, как на ее губах появилась коварная и даже чуть-чуть хищная улыбка. Появилась – и пропала.

– Хорошо. Я придумала тебе, мой благородный рыцарь, испытание.

Гиллард навострил уши, безмолвно гадая… Поймать стрижа, что носятся день-деньской над городом? Вырезать из дерева корону?..

– Ты должен принести мне что-нибудь из Закрытого города! – выпалила на одном дыхании Лаури. И тут же воровато огляделась – а не подслушал ли кто?

Гиллард вздрогнул. Закрытый город? Так ведь то ж город магов! Мрачные, черные стены, отгородившие древнюю цитадель от светлого, приветливого Алларена. Загадочные фигуры в темных одеяниях, время от времени появляющиеся на улицах. Страшные магические опыты, о коих столько говорят – но никто и ни разу не видел все это собственными глазами… Он непонимающе уставился на Лаури.

– Но… это же…

– Я знаю, – очаровательно улыбнулась она, – но если ты и вправду хочешь стать рыцарем, тебе надо быть бесстрашным. И потом… Ты прославишься на весь Алларен, если побываешь там – и вернешься с доказательством!

Лаури с хрустом откусила от яблока. Гиллард молчал. Ему было неуютно даже думать о том, что его прекрасная дама пожелала придумать столь трудное испытание… Все-таки, это была игра, всего лишь игра. Или нет?..

– Там же маги, – наконец выдавил он, – и никто еще не побывал в Закрытом городе, даже взрослые обходят его стороной.

Тонкая коричневая бровь Лаури надменно приподнялась.

– Ты что, боишься?

Гиллард скрипнул зубами. Признаться в собственных страхах? Никогда!

– Стены там слишком гладкие, – только и пробормотал он, – не забраться по ним.

– А веревки на что? – прищурилась она, – каждый великий воин должен уметь лазать по стенам, Гил. А как же иначе?

…Он вернулся домой поздно, чем заслужил укоризненный взгляд матушки. Знала бы она, куда отправится Гиллард ночью, наверняка бы уже тихонько плакала у себя в спальне. На сердце камнем легло недоброе предчувствие, Гила знобило; даже мелькнула гаденькая мыслишка – а не сказаться ли больным и тем самым отменить поход к неприветливым черным стенам? Но он тут же одернул себя: какой из тебя вырастет рыцарь, если будешь увиливать от собственных обещаний?

Дождавшись, пока все уснут, Гиллард крадучись добрался до кладовой – и там добыл крюк, один из тех, куда подвешивали копченые окорока. Моток новенькой бельевой веревки он позаимствовал на заднем дворе. Затем, закрывшись в спальне, Гиллард крепко привязал веревку к крюку и решил, что, вне всякого сомнения, это немудреное приспособление позволит ему забраться на стену.

Гил посидел еще немного на кровати. Здесь, в крошечной спаленке, было тихо и уютно; в воздухе витал слабый запах лаванды – матушка любила перекладывать чистое белье мешочками с этими цветками. Даже огонек свечи, подрагивая от случайного сквозняка, безмолвно уговаривал остаться и не ходить никуда, плюнуть на все это рыцарство и сумасбродную Лаури впридачу… Но Гиллард все-таки поднялся. Задув свечу, он осторожно открыл окно – упаси Хаттар, стукнет рама! – и мягко спрыгнул на землю, под сень старой груши. Где-то недалеко завыла собака.

…Он подошел к Закрытому городу со стороны Розового переулка. Вздрагивая при каждом шорохе и едва ли не шарахаясь от собственной тени, миновал ряд аккуратных каменных домов. Розовые кусты здесь разрослись столь буйно, что, порой из-за пышной зелени выглядывали только чердачные оконца да крыши; и за каждым таким кустом Гилларду мерещился ночной алларенский ворюга, который только и ждет, чтобы засадить в спину кинжал, раздеть и бросить умирающего на дороге. Сам Гил, конечно же, никогда ни с чем подобным не сталкивался, но – повсюду об этом говорили почтенные торговки, булочники, торговец специями, приехавший, по слухам, с самого побережья океана Дождей… Однако, до самой черной цитадели с Гилом не приключилось ничего плохого; словно чья-то воля хранила его.

Розовый переулок оборвался внезапно, не доходя до стены; между последним домом и Закрытым городом оставалось пространство, достаточное, чтобы уместилось две телеги. Казалось, домишки пугливо жмутся друг к другу, опасаясь гладким боком прикоснуться к древним камням. Гиллард поежился. В самом темном, далеком закоулке его сознания трепетала, билась светляком мысль – а, может, в самом деле не стоит?.. Он упрямо тряхнул головой. Да какой же ты рыцарь, Гил, если позволяешь себе бояться?!! Совсем некстати, он вспомнил болотную ночницу, ту самую, с прекрасным, измаранным кровью и ядом зеркальника лицом. Разве не она называла его храбрым воином? Ночницы, по словам торговца специями, редко ошибаются…

И Гиллард, озираясь, прислушиваясь к шороху листвы и отголоскам ночной жизни Алларена, принялся забрасывать крюк на зубчатую кромку стены. Так, чтобы он зацепился за выступ, и можно было попробовать забраться наверх.

Получилось, наверное, с попытки этак двадцатой и, верно, только потому что на самом деле стены Закрытого города были не так уж и высоки. Но – ведь получилось? Гиллард мысленно поздравил себя с этим небольшим достижением, надел рукавицу, чтобы сподручнее было хвататься за веревку, и медленно полез наверх. Сперва он скользил по гладкой поверхности, но, чем выше, тем чаще стали попадаться крошечные выбоинки, незаметные снизу… Дело пошло веселее. Правда, Гил старался не смотреть вниз, потому как чувствовал себя неуютно, даже забираясь высоко на старую грушу в саду.

И вот, наконец, ему остались считанные локти до верха. Пальцы болели с непривычки, ноги, руки – дрожали, но близость первой победы придала сил. Гиллард улыбнулся и мысленно поздравил себя с одолением первого препятствия. Еще немного – и он, задыхаясь, вполз между зубцами.

Стена оказалась толстой; Гил распластался во весь рост, подполз к краю. Стараясь не шевелиться, он оглядывал нутро Закрытого города – и не мог надивиться. Кольцо черных стен вмещало в себя куда большее пространство, чем это могло показаться снаружи.

В небо устремлялась главная башня, похожая на суставчатую лапу паука, если ее распрямить. Вокруг толпились башенки поменьше, в безуспешной попытке черпнуть силы у своей товарки. Еще дальше от центра были набросаны в кажущемся беспорядке небольшие приземистые дома странной формы – у основания – многоугольные, под крышей – округлые. И ни единого огонька. Словно не было живых в Закрытом городе, словно никто не охранял его по ночам… Или же магам, здесь живущим, не требовался огонь, чтобы видеть в темноте?

Из-за облака вынырнул большой глаз Хаттара, и все вокруг заискрилось, заблестело, как в густом сахарном сиропе. Даже черная мостовая сверкала, отполированная до блеска, ну а главная башня и вовсе купалась в лунном свете, окутанная серебристым ореолом.

Вдруг Гиллард заметил одинокую фигуру в черном, медленно бредущую по сверкающей мостовой. Это казалось в высшей степени странным; человек, или, вернее, маг, появился ниоткуда, словно соткавшись из света и тьмы. Гил вжался в камень… Хотелось стать крошечной букашкой, чтобы не заметил, не схватил чародей нахала, посягнувшего на тайны цитадели… Маг тем временем остановился, так и не дойдя до стены. Зоркий Гиллард сумел разглядеть молодое бледное лицо, черные глаза, похожие на два колодца мрака, седые волосы, заплетенные в косы… А потом человек начал таять в ночном воздухе, растворяясь в свете большой луны, как мед в кипятке.

«Призрак!» – догадался Гил и, скрестив средний и указательный пальцы левой руки, поспешно сотворил охраняющий знак.

За исключением бестелесного стража, никого более не было в Закрытом городе. И Гил решил, что самое время спускаться вниз и добыть что-нибудь… Мелочь, которая бы с лихвой доказала его присутствие в загадочном городе магов.

Он зацепил крюк за внешнюю сторону зубца, подергал, проверяя. И – совсем ненароком – бросил взгляд на круглый, добродушный лунный лик.

Сердце с размаху бухнулось в ледяную полынью. Дыхание застряло в горле, и ноги словно налились свинцом, стали двумя непослушными колодами. Даже если захочешь – и то с места не сдвинешься…

Приближаясь с каждым ударом сердца, на Гилларда неслась невиданная крылатая тварь. В полной тишине, не считая нужным предупредить о своем появлении ни рыком, ни воем… Как в жутком кошмаре Гил увидел вытянутые вперед кривые руки, хищный оскал на лице, отдаленно напоминающем человеческое, злые щелки-глаза… Жесткий удар вышиб дыхание, страшные когти вцепились в плечи, потащили вперед, к кромке стены. И Гил закричал.

Он вопил от боли и ужаса не переставая, все то время, пока оживший кошмар тащил его куда-то. Потеряв способность соображать и напрочь забыв о том, что *рыцари не должны бояться*. Затем вдруг Гил больно ударился всем телом о камень; сильные руки вновь сомкнулись на нем, подбросили в воздух – и вновь вышибающий дыхание удар… Искаженное яростью лицо, черное и лоснящееся, как каждый камешек в этом месте, оказалось совсем близко, разверзлась пасть, непомерно широкая, усаженная черными зубами-иглами. У Гилларда все поплыло перед глазами, перепуганное сознание съеживалось, сбираясь спрятаться, укрыться в спасительном беспамятстве.

И вдруг чудовище порскнуло в сторону, как перепуганная крыса.

Гил с хрипом глотнул воздуха. Пошевелился, еще не веря в то, что не отправился в небесные сады Хаттара. Осторожно скосил глаза – тварь никуда не ушла. Спокойно сидела в двух шагах, то складывая, то разворачивая блестящие крылья… И Гиллард вдруг вспомнил, что похожее чудовище сидело каменной статуей на черной стене…

– Так-так, – протянул кто-то сверху, – маленький наглец, посягнувший на тайны города избранных.

Человек. Пусть даже и маг. Но – это куда как лучше, нежели хищное создание, оживший камень… Гиллард приподнялся на локте, в поле зрения оказались добротные башмаки и край бархатной мантии.

– Н-да, – насмешливо прошелестел голос, – такого давненько не было. Видно, люди глупеют с каждым поколением. Ибо только глупец – или сумасшедший – мог додуматься до подобного.

Маг был совершенно один. Только маг – и чудовище. Но Гил уже понял, что от них не сбежишь, не скроешься. Пусть даже чародей был бы один…

– Вставай, – прозвучал приказ, – нечего валяться. Я… хочу на тебя посмотреть. Внимательно посмотреть, прежде чем ты отправишься к Отцу Небесному.

Горло сжалось. Запоздало Гиллард подумал о том, каким же дураком он оказался, послушавшись сумасбродную девчонку, отправившись в Закрытый город… Ведь Закрытый город – *только для избранных*… На глаза навернулись слезы; неужели – все? И больше не будет ни отца, ни матушки, ни уютной спаленки, пропахшей лавандой?..

Шмыгнув носом, Гил поднялся. И взглянул в лицо палача.

…Его возраст было невозможно определить. Седые волосы, ниспадающие на крепкие плечи, говорили о старости, но тонкие, едва наметившиеся морщинки утверждали обратное. Яркие синие глаза смотрели строго, беспощадно; Гилу показалось, что этот взгляд выворачивает его наизнанку и копается в самых потаенных уголках памяти.

– Как тебя зовут? – холодно поинтересовался маг, складывая руки на груди.

Гиллард только стиснул зубы. Зачем говорить свое имя, ежели все равно это – конец всему? Тварь угрожающе заклекотала.

– Молодость не обязательно должна быть спутницей глупости, – заметил чародей, – но у тебя, похоже, это ее свойство проявилось в полной мере. Отвечай, дурачок. Меня интересует твое имя.

Откашлявшись, Гил назвал себя. На бледных губах мучителя мелькнула странная, грустная улыбка.

– Гиллард… Ах, вот оно что. Приемный сын алларенского портняжки…

Гил недоумевающее взглянул на мага. Приемный сын?!! Но тот, казалось, не придал своим словам никакого значения.

– Что ж, Гиллард. Считай, что тебе повезло – сегодня смерть обойдет тебя стороной.

Он не поверил своим ушам.

– Это вовсе не значит, что ты вернешься домой, – с улыбкой закончил маг, – ты останешься здесь, в Закрытом городе. Я чувствую в тебе нешуточный дар магии, Гиллард Накори. Думается, со временем ты станешь великим магом.

– Но… – он понял, что если не скажет этого сейчас, то время будет потеряно, – но… ваше чародейство…

– Можешь называть меня магистром.

– Магистр… – горло отчаянно першило, в глазах плавали слезы отчаяния, – мои родители… будут думать, что я умер?

Назвавшийся Магистром ухмыльнулся.

– Примерный сыночек хорошего портного. Я пошлю им весть о том, что ты начал проходить обучение в Закрытом городе. Это должно их порадовать.

Глава 4
Осколки прошлого

… – Что ты делаешь?

Магистр только вздохнул. Было похоже на то, что от маленького чудовища в образе вихрастого мальчишки он так не избавился. И вряд ли избавится в ближайшем будущем.

– Не мешай, – строго сказал он, – я решаю очень, очень важную задачу.

Нахал хихикнул.

– Ты решаешь ее уже не один год. Что, мозги высохли от времени?

Магистр оторвался от расстеленного на столе новенького листа *папера*, изготовленного в лаборатории Закрытого города по старинному рецепту дэйлор. Он бросил уничтожающий взгляд на мальчишку: тот устроился на подлокотнике одного из кресел, закинул ногу за ногу. Вот наглец! Можно подумать, что у себя дома…

– Лучше исчезни сейчас, – процедил Магистр, – пока я не…

– А что ты мне сделаешь? – демон скорчил испуганную рожицу, – ой, боюсь… Только не бейте, дяденька…

Затем, вдруг посерьезнев, добродушно поинтересовался:

– Так что ты там рисуешь-то? Не первый год…

У Магистра Закрытого города отчаянно вертелось на языке нечто вроде «оно тебе надо?», но, пересилив себя, он поманил мальчишку к столу. Может быть, если рассказать, отстанет…

Он в который раз окинул взглядом схему, нарисованную им же на папере. Такая простая поначалу, теперь она была похожа на спутанный клубок. И – что самое печальное – каждая нить являлась чьей-то судьбой.

Кудрявая голова склонилась над столом, затем мальчишка удивленно взглянул на Магистра.

– И что это такое?

– Я пытаюсь произвести расчет судьбы этого мира, – и Магистр беспомощно развел руками, – пока что не очень получатся. И с каждым годом я запутываюсь все больше и больше.

– Но… – синие глазенки расширились, – разве такое возможно?

– В том-то и дело, что возможно.

И Магистр, сам поражаясь собственному терпению, начал рассказывать маленькому мучителю о том, что есть на свете такие мудрые вещи… Даже не вещи, слова, в которых заключен великий смысл: *причина и следствие*. Они цепляются друг за дружку, звеньями цепи, и цепь эта тянется от самого начала времен. А оборвется наверняка только с последним закатом этого мира.

– Ну, а ты-то что рисуешь? – мальчишка провел пальцем по одной из линий, на которой было написано «Золий». Она держалась как-то обособленно, эта линия, изредка пересекаясь или сплетаясь узелком с прочими, – где причины, где следствия? Где эта самая цепь? Ничего здесь не понять, на твоем рисунке.

– Это потому что я пытаюсь учесть все возможные варианты, – пробурчал Магистр, – их слишком много и готов дать голову на отсечение, что я так и не смог продумать *все*.

– Почему же? Ты ведь считаешь себя таким умным!

– Да потому что каждый человек думает по-своему, – Магистр пожал плечами, – неужели это не очевидно? Я не могу перевоплотиться, скажем, в императора Квентиса, чтобы точно сказать – а что ему может стукнуть в голову.

Он в раздражении поглядел на мальчишку.

– Ну, теперь ты от меня отстанешь со своими дурацкими вопросами?

Тот ухмыльнулся.

– Пожалуй. Я не буду тебя отвлекать некоторое время… А ты рисуй, рисуй… вдруг да получится? Мне тоже интересно.

Он наклонился к схеме, проследил за линией с пометкой «Миральда».

– А что с этой будет?

– Возможно, она в конце концов сделает нечто полезное для всех, – пробормотал Магистр, – а, возможно, и не доживет до того дня. Все зависит от поведения вот этой линии.

И черкнул ногтем по паперу.

– Но здесь нет никакой метки, – мальчишка почесал затылок, – почему?

– Видимо, у того, кому предназначена эта судьба, нет имени.

Тут магистр решил, что и без того слишком долго возится со своим надоедливым приятелем. В коне концов, схема получалась крайне любопытной, и он намеревался провести еще часок-другой за распутыванием клубка.

– Ну, иди, иди. Дай мне подумать, в конце концов!

Мальчишка шмыгнул носом.

– Эх, жаль, что ты меня прогнал. Мы бы вместе… Таких дел наворотили!

– К сожалению, это невозможно, – сухо ответствовал Магистр, – иди, прогуляйся. А я, может быть, набело перерисую схему.

… Оставшись в одиночестве, он уселся за стол, обхватил руками голову и задумался. На зеленоватом листе папера сплетались и расходились нити судеб, и на них были нанизаны кружки тех событий, которые могли произойти. Магистр в отчаянии еще раз оглядел свою схему, и ему пришла в голову замечательная мысль: а что, если ввести новое понятие, «вероятность» еще не случившегося? Скажем, нулем можно будет обозначить то событие, которое никак не может произойти, единицей – то, что грядет *обязательно*… Тогда можно было бы облегчить себе задачу, и заниматься только теми линиями, где, после сложения всех единиц, получится большее число.

И тут же осекся. Ведь далеко не всегда вероятность можно оценивать как «точно произойдет» или «вовсе не случится»! Всегда будут оставаться события, для которых не скажешь – войдут они в историю мира или нет… Магистр вздохнул. Получался из его схемы какой-то замкнутый круг. Вернее, густая сеть из кривых и кружков, в которой разобраться под силу лишь, наверное, Хаттару Всеобъемлющему…

А все начиналось так просто! С книг, привезенных из Дэйлорона, которые он начал читать одну за другой, с трудом разбирая витиеватый почерк дэйлор. С особым интересом Магистр читал книги предсказаний, старые и потрепанные; как вечному невольнику Отражений ему было любопытно разобраться – а когда же, собственно, настанет конец всему?

Он разбирал пророчества о Последнем Магистре, нашел несколько стихов о Последнем Короле, который должен был погубить свой народ и одновременно дать надежду. Затем, к собственному удивлению, обнаружил кое-что любопытное о той сущности, что называли колодцем Памяти, и под конец наткнулся на сказание о *чудовище на троне врагов, разрушающем все сущее*. Тут не нужно было особо ломать голову, чтобы понять, о ком идет речь. Магистр достаточно хорошо разобрался в характере Квентиса Доброго, чтобы поверить в скупые строки древних предсказаний. Книга завершалась высокопарными заявлениями, провозглашением написанного той истиной, что непременно сбудется. И трудно было с этим поспорить.

А затем Магистр нашел еще несколько книг предсказаний (видимо, древние дэйлор увлекались прорицанием будущего), и их содержимое повергло его в тягостные размышления. Оказывается, всего, что было упомянуто в первой книге, могло и не быть, если бы… Если бы участники событий принимали бы другие решения. Воистину, все повернулось бы иначе!

Магистр читал и читал; он не нуждался ни в сне, ни в пище, и даже не старился, а потому мог тратить на чтение столько времени, сколько заблагорассудится. Он нашел слова о великой

болотной ночнице, предостережения о том, что если сын волшебницы и слуги, убитого своим господином, заглянет в колодец Памяти, мир будет висеть на волоске от гибели, и все будет зависеть от решения, принятого одним-единственным человеком. И, ежели тот человек пойдет по одному пути, мир очистится. Ну, то есть все погибнет, и все когда-нибудь возродится…. Кроме того, великая ночница тоже могла внести свою лепту в историю, но это в том случае, ежели доживет…

В конце концов Магистр запутался окончательно. Даже он, проживший на свете шестьсот лет, не мог составить стройную логическую цепочку из той чепухи, что несли прорицатели дэйлор. И тогда он решился на отчаянный шаг: построить схему наподобие схемы взаимодействий вещей, только здесь вместо вещей будут события, а вместо силовых линий – судьбы. В итоге… задача казалась неразрешимой.

Магистр сидел, слепо уставившись на свое творение. Его палец скользил по линии с меткой «Гиллард» до тех пор, пока она не пересеклась с линией «Миртс, вампиресса». Он усмехнулся и вывел над этим, одним из нескольких возможных событий единицу. По крайней мере, хоть капля определенности в мутном океане «может быть».

* * *

…Гиллард Накори никогда не забывал того, как однажды попал в кольцо черных стен. Даже спустя восемь лет, перед Инициализацией, когда ученик становится полноправным магом Закрытого города, он помнил все, как будто это случилось вчера.

Два молчаливых человека долго вели дрожащего мальчишку промеж черных домов с коническими крышами. Краем глаза он заметил, что каменная тварь вернулась на свое обычное место на стене, замерла, угрожающе раскинув крылья. Гилларду было любопытно, куда направился человек, назвавший себя Магистром – но тот исчез, будто унесся с холодным дыханием ночи на самый верх черной башни. Затем провожатые остановились, один из них, с круглым и отечным лицом, долго возился с замком; распахнули дверь, и на Гилларда повеяло затхлостью пустующего жилья.

– Входи, – обронил мужчина. Он стоял чуть позади, сложив на груди руки, и Гилу из-под глубокого капюшона был виден лишь заросший темной щетиной подбородок, – теперь *это* твой дом. И благодари Магистра за то, что остался жив.

Гил затравленно взглянул в прохладное нутро жилища. Там было темно, пусто и… страшно. Казалось, по углам затаились неведомые твари, только и ждущие, пока кто-нибудь не отважится остаться с ними наедине.

– Прошу прощения, – пролепетал Гиллард, – не могли бы вы оставить мне хотя бы свечу?

Круглолицый маг хмыкнул.

– Ты все получишь утром, когда явишься на прием к Магистру, и он решит, кто будет твоим наставником.

– Подождите… – дыхание застряло в горле у Гилларда, когда маги развернулись и зашагали прочь, растворяясь в ночи.

Он стоял на пороге своего нового дома и отчаянно боролся с желанием броситься за магами и умолять их не уходить. Или, по крайней мере, не оставлять его вот так – одного, в страшном Закрытом городе, в абсолютно пустом и холодном доме. Когда два темных силуэта окончательно расплылись во тьме, Гиллардом овладел панический страх: ему начало казаться, что нечто жуткое, выпивающее тепло жизни, поджидает его среди густой темноты, а снаружи – следит за сыном портного каменное чудовище, зловеще скалясь…

Затаив дыхание, он шагнул внутрь, притворил дверь и уселся рядом с порогом, на тот случай, если придется спешно покинуть недружелюбный дом. Сквозь треугольные оконца струился мягкий лунный свет, мазками ложась на пыльный пол; ничто не нарушало тишины

пустого строения. И тени извивались, корчились по углам, а в камнях дремали пугающие призраки древности…

Гил сомкнул глаза лишь к рассвету, а когда проснулся, пол был расчерчен горячими пятнами солнечного тепла. Снаружи доносились обрывки сдержанной беседы, где-то неподалеку постукивал молот кузнеца… Он встрепенулся, и уже при свете дня обошел место, которое Магистр прочил ему домом.

Из узенького коридора, где Гил провел ночь, можно было попасть в две комнаты; они распахивались по бокам подобно крыльям бабочки. Третья дверь, что напротив входной, вела в отхожее место. И повсюду – только голые стены, каменный пол, покрытые пылью; видать, давно тут никто не жил…

Отчаяние мертвой хваткой вцепилось в душу. А ведь еще вчера он мог остаться в своей теплой, пропахшей лавандой спальне! Гил стиснул зубы, чтобы не заплакать. Что ж, судьбе было угодно распорядиться именно так…

Его размышления были прерваны решительным стуком в дверь. Гил поспешил открыть; на пороге стоял парень, совсем молодой, но на вид – заморыш заморышем. Даже Гиллард, будучи десяти лет отроду, вдруг ощутил себя крепким малым.

У вновь прибывшего была бледная, не знающая загара кожа, сквозь которую светились синие жилки, большие карие глаза и добрая, обезоруживающая улыбка. Тонкие пальцы нервно приглаживали короткий ежик русых волос.

– Пойдем, я отведу тебя к Магистру, – без предисловий заявил паренек. В его глазах вспыхнул неподдельный интерес, когда он оглядел Гила, и тому показалось, что *этот* маг – совсем еще не похож на тех двоих. Да и на Магистра тоже.

…Пока они шли сквозь ряды домиков, Гиллард глазел по сторонам. Оказывается, и при свете дня Закрытый город нельзя было назвать оживленным местом: по пути они встретили только двух беседующих магов, которым провожатый Гила отвесил глубокий поклон. И все.

Паренек остановился, кивком подозвал Гилларда.

– Гляди. Вот – главная башня, рядом – малые башни, как мы их называем.

– Как тебя зовут? Меня – Гиллард.

– Я знаю, – осторожно сказал парень, – Магистр сказал. Меня зовут Нарт, но… – он сделал значительную паузу, – маг Закрытого города не должен иметь друзей. Таковы законы этого места, и, надеюсь, ты меня правильно понял.

Оторопев, Гил только и смог, что кивнуть.

– Вот и ладно, – улыбнулся Нарт, – пойдем же. Магистр не любит долго ждать. А мы стараемся не испытывать его терпения… Ведь он… Он – самый могущественный чародей Империи.

Тут, видимо, не удержавшись от искушения попугать новичка, Нарт добавил громким шепотом:

– Говорят, с помощью магии он продлевает себе жизнь. И живет вот уже Небо ведает сколько веков!

Все это уже походило на страшную сказку, одну из тех, что пересказывают друг другу мальчишки – то про храмового сторожа, который на самом деле был высшим вампиром, то про девочку, которую укусила болотная ночница, и которую потом убили ее же родители, чтобы избавить от жизни темной нелюдью…

– Пойдем, – улыбнулся Нарт.

И скорым шагом направился к распахнутым дверям главной башни.

… Они миновали лестницу, ведущую куда-то вниз, прошлись по огромному и пустующему холлу, а затем долго взбирались наверх по винтовой лестнице. Гиллард с интересом слушал Нарта, который с важным видом повествовал о том, что под башней есть Лабиринт, где ученики проходят Испытание, или инициализацию, и после этого получают от Магистра *гра-*

моту. А раньше под главной башней было подземное озерцо, полное ядовитой для человека воды, и Магистр каким-то образом ухитрился его осушить. Или перенести за пределы Закрытого города – но об этом мало кто знал…

– Разве что Варна, разделяющий бремя, – задумчиво протянул Нарт, – кажется, он живет здесь столько же, сколько сам Магистр.

– Этот Варна… Он тоже продлевает себе жизнь?

– Вроде того. Он второй здесь человек после Магистра…

– А что они разделяют, эти разделяющие?

– Об этом никто не знает, – страшным голосом сказал Нарт, – разделяющие ни с кем не говорят. Наверное, обет молчания…

За разговорами Гиллард и сам не заметил, как закончилась лестница. Они очутились перед простой деревянной дверью, обитой медными полосами. По обе ее стороны, в подставках горели факелы.

– Ну, вот, – Нарт дышал тяжело, с надрывом, – пришли. Веди себя учтиво, Гил. Если уж Магистр взял тебя в Закрытый город, то ты нескоро отсюда выйдешь.

– А… что здесь делают маги? – Гиллард почувствовал себя очень неуютно. В лицо… неведомо откуда дохнуло холодом.

– Они занимаются совершенствованием магии вещей, – с достоинством ответил Нарт, – разве не в этом счастье истинного чародея? Ну, иди, иди.

И Гилларду ничего не оставалось, как потянуть на себя дверную ручку в виде оскаленной волчьей морды.

* * *

В кабинете было темновато, невзирая на самый разгар дня. Будто солнечные лучи, добираясь до окна, натыкались на невидимую преграду и стекали вниз, на черные стены башни. В камине весело гудело пламя, разбрасывало рыжие отблески на позолоту… Которая, кстати, была повсюду – и на потолке, и на стенах.

А хозяин все этого богатства восседал за широким столом, сложив пальцы домиком и молча наблюдая за мальчишкой.

Гил вздохнул. Он чувствовал, что начинает краснеть, потому как вспомнил ночное происшествие, и то, как сцапала его каменная тварь… Гил в пояс поклонился Магистру и замер, как мышь перед удавом.

Величайший маг Империи молча рассматривал его, как занятную безделушку. Затем медленно изрек:

– Многие стремятся в Закрытый город. Считай, что тебе повезло.

Гил подумал, что он вовсе не рад такому везению, но промолчал.

– Подойди сюда, – приказал Магистр, – к столу.

И, отодвинув в сторону шелестящую гору свитков, указал Гилу на три блестящих камешка.

– Что ты здесь видишь?

На темной, полированной столешнице покоились три самоцвета, каждый величиной с ноготь большого пальца. Будучи сыном портного, Гил никогда не видывал столько драгоценных камней сразу, а потому слегка растерялся. Конечно же, он и понятия не имеет, как они называются…

Казалось, Магистр вздохнул.

– Я понимаю. Последствия обучения портняжному мастерству… Теперь закрой глаза и дай мне руку.

Недоумевая, Гил подчинился. Пальцы Магистра казались холодными и… неживыми. Тут невольно припомнишь все страшные истории, да еще поле откровений Нарта… А затем в ладонь повеяло мягким, приятным теплом.

– Что ты видишь? – повторил вопрос маг, и это было странным. Что можно увидеть с закрытыми глазами?

Отчаявшись и стараясь не подглядывать, Гил попытался сосредоточиться на ощущении тепла в ладони.

И вдруг…

Перед мысленным взором полыхнул огненный треугольник. Ладони стало горячо, Гил хотел ее убрать, но в запястье впились стальные пальцы Магистра.

– Скажи, что видишь, – устало прошелестел его голос, – не молчи.

– Это… – Гил еще раз дернулся. Ладонь жгло, уже просто нестерпимо, как будто он держал ее над костром, – огонь!

Хватка Магистра ослабла, и Гил принялся растирать руку, в недоумении глядя на три самоцвета.

– Очень хорошо, – сказал Магистр, – выходит, я в тебе не ошибся. Впрочем, было бы странно, если бы ты не унаследовал…

Маг поднялся из-за стола и принялся ходить по кабинету, словно позабыв о присутствии Гила. А тот опять вспомнил слова Нарта о том, что этот человек при помощи магии продлевает себе жизнь. Любопытно, как он мог это делать? И ведь не выглядел дряхлым старцем, отнюдь. Наоборот – в каждом движении чувствовалась немалая сила.

Внезапно Магистр остановился.

– Ты меня рассматриваешь, – жестко сказал он, – и что же ты видишь?

Гил съежился под его колючим взглядом и пролепетал:

– Ничего, господин Магистр.

– Как это – ничего? Что, меня не существует?

– Э… Я хотел сказать… Ничего необычного.

– Я беру тебя в ученики, – очень обыденно произнес маг, – я лично буду тебя учить. Это большая честь, Гиллард, цени это.

… Путь мага всегда начинается с ученичества. Изнуряющие бессонные ночи, проведенные в обществе книг и свитков, работа с компонентами заклинаний, бесчисленные конспекты лекций. Гиллард с головой погрузился в занятия, и мир сжался до размеров Закрытого города, с его башнями, с высоты древнего величия взирающими на суетливый Алларен, подземными лабораториями, чудовищными и прекрасными экспонатами хранилищ. Магистр неторопливо, играючи, вскрывал перед ним тайны магического мастерства, одну за другой, и Гиллард не мог не признать, что глава города магов – прекрасный учитель. Само собой, успех следовал за успехом, и, по прошествии некоторого времени Гил поймал себя на том, что не может жить без магии.

Но иногда, очень редко, ему снилась маленькая спальня и печальный, одинокий огонек свечи.

* * *

…Прошло восемь лет. И лабиринт ждал его, последнее испытание ученика, претендующего на звание мага.

Гилларду померещилось, что темная его утроба вздыхает в томительном ожидании, перед тем, как прольется первая кровь. Но нет. Все это – чепуха. Лабиринт не может вздыхать, как и тьма, собравшаяся узлом на самом его дне, не может клубиться, протягивая хищные щупальца к телу посвящаемого…

Гиллард в последний раз ощупал мешочки с компонентами заклятий.

Чего ждешь, Гил? Когда-то, восемь лет назад, ты, не задумываясь, полез через черную стену, только потому, что того желала избалованная маленькая дурочка. Так что же теперь медлишь отворить дверь, последнюю преграду между тобой и ждущими чудовищами? Разве должен рыцарь бояться?

Он стиснул зубы. Нет, Гиллард не боялся. И сердце билось ровно, словно на прогулке. Вообще-то ни один из учеников, что поддался страху, не прошел лабиринт, и об этом следовало бы помнить.

Гил толкнул тяжелую, набухшую сыростью дверь; она подалась, пропуская юного мага в кромешный мрак Лабиринта. В ноздри ударил сладковатый запах гниения. Где-то далеко сочилась вода, и каждая капля тяжело плюхалась на камень.

Он решительно шагнул через порог, сжав в кулаке медальон с ониксом.

– *Ka'err d'hill al fier.*

Живой огонек весело заплясал в воздухе, разгоняя темень. Несложное заклинание, основанное на взаимодействии оникса, красного песка и высушенной кайэрской тины, теперь будет поддерживать его на протяжении всей инициализации, ненавязчиво витая над головой и заставляя тени жаться по углам.

Гиллард остановился, прислушался. Тишина. Только вдали падают капли воды, отмеряя медленно текущие мгновения…

Он подготовил взаимодействие молнии, в точности так, как учил Магистр. А ну-ка, пусть теперь твари лабиринта посмеют напасть… И неторопливо пошел дальше.

Лабиринт ждал. Несколько уровней, каждый последующий – все ниже и ниже ввинчивается в твердь этого мира, и на самом дне этой путанной спирали – последний, самый серьезный бой для испытуемого. Именно там Гилларда ждут или смерть, или звание мага, иного не дано. Гиллард выбрал для себя звание, вовсе не собираясь умирать; и что-то назойливо подсказывало, что так тому и быть.

Огонек весело светил, выхватывая розоватый кружок из царства тьмы. Пол под ногами постепенно приобретал уклон вниз, под фундамент башни…

Из-за угла на Гила метнулась, распластавшись, тень; заранее подготовленная молния нашла свою цель. Уши резнул нечеловеческий визг, и снова все стихло. Будущий маг заставил огонек снизиться и не удержался, рассмотрел-таки сраженную тварь.

На мокром, скользком от нечистот полу в агонии содрогалось тело огромного волка. Приглядевшись лучше, Гил понял, что от волка – только туловище. А лапы и голова – жабьи, непомерно огромные, усаженные шипами. Выпученные глаза уставились на него, когти заскрежетали по камню; второй молнией маг добил чудовище.

Он пошел дальше, прислушиваясь, до рези в глазах всматриваясь в липкую темень подземелья. В голове вертелось недоумение – отчего Магистр никогда не рассказывал о тех опытах, когда создают новых, доселе никогда не живших тварей?

Эх, Гиллард… Размышлять будешь потом, сколько угодно. И будешь задавать вопросы. Сейчас главное – выжить, получить звание мага Закрытого города.

И снова омерзительное чудище. Только теперь – огромная крыса, ростом с хорошую дворнягу. Пожалуй, ее зубам позавидовал бы и снежный барс, чье чучело стояло в лаборатории Хаттар ведает сколько лет. Гил уже не стал разглядывать противника, да и не до того было: твари посыпались из чрева Лабиринта, как горох. Зубастые, с горящими глазами, некоторые даже с крыльями… А вот на вас, мои дорогие, найдется замечательная огненная волна, испепеляющая на своем пути все живое. Запах горелого мяса заглушил тонкий, приторный запах гниения.

Гиллард спускался на дно Лабиринта.

… Потом все как-то утихло. Никто не нападал на ученика, готовящегося принять звание мага. Закралось сомнение – а, может быть, он всех перебил, и осталось только добраться до самого нижнего уровня – и взять доказательство того, что он там побывал?

Гил невольно хмыкнул. Столько лет прошло, а он все помнит. «Принеси доказательство того, что побывал в Закрытом городе»… Н-да. Как же глупо все это было, и как давно! Что теперь сталось с отцом и матерью? Выполнил ли Магистр свое обещание, приказал ли оповестить семью портных, что их сын больше никогда не вернется в дом, который привык считать отчим? Накатила тусклой волной печаль, комкая душу, как девица носовой платок, перед тем, как вытереть слезы. Хоть и обмолвился Магистр, что эти люди – не родные ему родители, разве не повод это возненавидеть тех, кто оставил разрывающегося от крика младенца на крыльце чужого дома? Разве не повод оставить всю сыновнюю любовь тем, кто пригрел и приласкал?

Гил шел вперед, и уклон под ногами становился все круче. Звуки падения капель на камень остались позади; впереди его ждала мертвая, нехорошая тишина. И, если там притаилась последняя тварь – тем хуже для нее. Он скатает пламенный шар из всех недомолвок, сомнений и вопросов, оставшихся без ответа, и швырнет его в алчущую крови, разверзнутую пасть.

Молодой чародей свернул в последний раз и понял, что Лабиринт пройден. Он оказался на самом его дне, без особых потерь и довольно быстро; можно было подумать, что Магистр Закрытого города специально подбирал слабых тварей, боясь навредить способному ученику. Гиллард остановился на пороге идеально круглой комнаты двадцати шагов в поперечнике, щелчком пальцев заставил огонек вылететь в самый ее центр. Сердце билось спокойно, так же, как и в начале пути.

Теперь… Он возьмет доказательство и отнесет наверх, Магистру, и примет из его рук ту самую вожделенную грамоту, где будет записано имя Гилларда с очаровательной приставочкой «маг».

Дрожащий круг света выхватил из мрака каменный столик, где покоилась самая обычная друза горного хрусталя. И Гил улыбнулся – действительно, зачем все усложнять, пытаясь в качестве доказательства пройденного испытания подложить *то, что не возьмешь голыми руками*? Дымчатый горный хрусталь – красиво, изящно. Магистр снова оказался на высоте, даже трудно верить в то, что обыкновенного мальчишку взялся учить столь выдающийся человек…

Гиллард еще раз огляделся; комната пустовала. Дойти до столика и взять хрусталь…

– Разве мы куда-то торопимся?

Гилларду понадобились считанные мгновения, чтобы сплести маленький сверкающий кокон из фиолетовых молний. Но, увы, он не видел, в кого можно швырнуть замечательное заклятье.

Тихий смех, напоминающий перезвон серебряных ложечек о хрустальные бокалы, отразился от сводов Лабиринта. Вот она, последняя, самая опасная тварь…

– Ты же так молод, у тебя еще будет время… – прошелестело приятное женское контральто.

И Гиллард увидел *ее*.

Она грациозно вылилась из темноты, тоненькая, гибкая, как ивовый прутик; сделала шаг навстречу. И, невзирая на то, что одежду составляли полуистлевшие лохмотья, сквозь которые просвечивала молочно-белая кожа, она была красива.

Не по-людски красива.

Как прелестная фарфоровая статуэтка, мысль о прекрасном, застывшая навеки.

Розовый свет огонька скользнул по длинным черным волосам, распущенным по узким плечам, стыдливо задел обнаженное бедро… Кокон, сплетенный из молний, жег руку, но Гил медлил.

Те твари, убитые им, были просто чудовищами, сотворенными в лабораториях Магистра. А эта… была… человеком?..

– Н-не подходи, – прошипел Гил, поднимая руку. Заклятье едва держалось на кончиках пальцев, неосторожное движение – и сорвется, прямо в незащищенную грудь незнакомки.

Она усмехнулась, но не остановилась.

– Не убивай меня. У тебя еще много времени. И ты… ты так хорош собой, и так молод…

– Что тебе нужно? – рявкнул Гил, пятясь. Ох, дурак, дурак… сейчас бы бросить в эту странную девушку заклятьем, а там – будет видно, опасна она или нет…

– Поговорить, – обронила девушка, – всего лишь поговорить. И я… не сделаю тебе ничего дурного.

– Почему же ты тогда здесь? – Гиллард понимал, что зря слушает все эти увещевания, но отчего-то не решался убивать.

– По воле магистра.

Гил моргнул. Может быть, чуть-чуть опустил руку с подготовленной молнией. И в этот миг последняя тварь прыгнула, размазавшись в полумраке.

Удар в грудь. Злая, неожиданная боль в затылке. Молния с треском ушла в потолок, а страшные, голодные глаза оказались совсем близко.

Гил дернулся, пытаясь освободиться, но не тут-то было.

– Успокойся, – пропело кошмарно создание, – успокойся…

Ее глаза… Яркие, как драгоценные сапфиры, переливающиеся всеми цветами радуги… В них так легко увязнуть, забыть себя, забыть прошлое, жизнь…

Гил и сам не понял, когда перестал сопротивляться. Он безвозвратно тонул в ярких голубых волнах, и ему казалось, что он погружается в синеву летнего неба, что земля больше не держит тело, и он летит, летит…

– Мой прекрасный принц, – прошептала темная нелюдь, – я подарю тебе покой. Ничего не бойся.

Кажется, он хотел что-то ответить, но уже не смог. Плыл беззаботно по небу, навстречу яркому, теплому солнцу, а где-то внизу, сквозь дымку виднелась старая груша.

… Он пришел в себя от острой, тянущей боли у основания шеи. Ощутил вялое сожаление о несбывшемся красивом сне, где было так легко и спокойно. И только потом понял, *что* произошло на самом деле.

Ох, дураком был, дураком и остался. Ничуть не повзрослел. Дал высшей вампирессе очаровать себя, поддался на уговоры… А потом… что случилось потом? Выходило так, что она сама отпустила его, позволила жить, хотя по всем сведениям о высших не должна была этого делать.

Гиллард пощупал горло; на пальцах осталась липкая кровь. Странно… Он даже не испугался происшедшего, ведь поздно бояться, когда все мелькнуло, пролетело мимо. Но почему, во имя небес, тварь оставила ему жизнь?

От стены отлепился тонкий силуэт. В трепещущем свете огонька казалось, что нелюдь дрожит всем телом. Тонкий, изящный палец пронзил воздух в направлении заветной друзы.

– Забирай – и возвращайся, – прошептала она, не обращая внимания, что Гил пытается побороть слабость и отползти подальше.

– Н-не приближайся, – прохрипел он, поднимая руку. На пальцах заплясали огоньки, но – увы, увы… совсем слабенькие. Такими и кошку не испечешь, не говоря уже о высшей.

– Возьми доказательство и убирайся отсюда, – зло прошипела нелюдь, – я… я знала твою мать.

– Что?!!

Новость оказалась столь ошеломляющей, что Гиллард позабыл и о хрустале, и об испытании, и о том, что эта красотка едва не загрызла его… В самом деле, не часто можно услышать от вампирессы, да еще высшей, что она знавала твою матушку.

– Ты оглох? По-моему, я говорю достаточно громко. Иди, иди наверх. Пока я не передумала.

– Ты знала мою мать, почтенную жену портного?

Вампиресса фыркнула.

– Не строй из себя дурачка, Гиллард Накори. Или ты думаешь, что именно от добропорядочных горожанок, женушек мастеров ножниц и иголки, на свет появляются маги?..

Повернувшись к нему спиной, словно знала, что маг не ударит заклятьем, она пошла прочь и вдруг исчезла. Словно утонула, растворилась во тьме.

Гил поднялся, пошатываясь, двинулся следом. Где-то должна была быть потайная дверца, сквозь которую улизнула смертоносная красавица… В конце концов, сколько можно его водить за нос?!! Сперва намеки магистра, затем – вампирессы… И кто, скажите на милость, знает всю правду?

Он обошел всю комнату, но ничего не обнаружил. Оставалось думать, что нелюдь строила свои собственные пространственные коридоры (что казалось почти невероятным), или же лаз был слишком хорошо замаскирован.

Гил вернулся к тускло сияющей друзе.

Что ж, теперь он – полноправный маг. И ему открыты все двери в пределах Закрытого города.

* * *

…Как выяснилось, Гиллард ошибался. После того, как Магистр вручил ему грамоту истинного мага, не изменилось ровным счетом ничего. Каждый новый день повторял предыдущий: подъем, утренняя медитация, завтрак, изучение архивов Закрытого города, обед, разработка собственных взаимодействий, ужин, вечерняя медитация. Изредка молодому магу дозволялось покинуть пределы черных стен, и даже без сопровождения наставника, но причиной тому было отнюдь не возросшее доверие к скромной особе Гила, а то, что, получив грамоту, он шагнул на одну ступень с теми, кто ранее учил его. А недоступные прежде двери так и остались плотно сомкнутыми в угрюмом молчании. Иной раз Гилу казалось, что открываются они только для разделяющих бремя, этих странных, словно немых, магов высшей ступени. Их и было-то всего два десятка, бессловесных особ, приближенных к Магистру; среди учеников ходили байки о том, что это – самые могущественные маги империи, но за свое могущество им пришлось заплатить великую цену. Что это была за цена, никто, естественно, не знал; единственное, что приходило Гилларду в голову, так это обет молчания – за все годы, проведенные в Закрытом городе, он ни разу не услышал, чтобы кто-нибудь из разделяющих бремя обронил хотя бы слово. Их лица были всегда слишком бледны, а взгляд обращен вдаль, словно видели они что-то, недоступное прочим.

В самый первый вечер, когда от Магистра пришло разрешение покинуть на несколько часов Закрытый город, Гиллард отправился проведать родителей. Ему хотелось вновь очутиться в своей тесной спаленке, пропитанной запахом лаванды, посидеть на краю постели, щурясь на огонек свечи – маленькую золотистую звезду, опустившуюся на восковой пьедестал. И если бы отец дал ему в руки ножницы и приказал раскроить сорочку, Гиллард был бы счастлив.

Он без труда нашел портняжную лавку; она оказалась закрыта. Тогда, по старой памяти, Гил с трудом протиснулся сквозь тайный лаз в ограде и оказался таким образом в саду. Здесь все осталось по-прежнему – та же старая груша, клумбы с цветущими астрами и три яблони,

которые были посажены давным-давно, а теперь выросли, окрепли и задумчиво шуршали листвой. Внезапно Гиллард увидел мать, которая, сидя к нему спиной на низкой скамеечке, полола клумбу. Он позвал ее, стараясь, чтобы голос не слишком дрожал, шагнул навстречу…

– Господин маг? Что угодно вашей милости?

Она обернулась, и оказалось, что лицо принадлежит совершенно другой, незнакомой женщине. Только белый накрахмаленный чепец придавал сходство… Гил, потеряв дар речи, несколько минут разглядывал ее, затем спросил:

– Это ведь дом мастера Ринта?

Женщина нахмурилась, но тут же попыталась придать лицу самое доброжелательное выражение.

– Нет, что вы, господин. Портной Ринт уехал из Алларена восемь лет назад. Тогда же мы и купили этот дом вместе с лавкой.

Старая груша угрожающе закачалась, и Гил инстинктивно оперся рукой о ее корявый ствол.

– Куда они уехали?

Хозяйка дома пожала плечами.

– Откуда же мне знать, господин? Они ведь не докладывали.

После этого Гиллард решил завернуть к дому, где жила Лаури и где было положено начало его службе Закрытому городу. Он не стал стучаться в дверь. Постоял недолго, глядя на розовые занавески в верхнем окошке.

«Интересно, какой она стала?» – подумал он, – «должно быть, красавица… Красавица для принца».

Гил попытался воскресить в памяти образ сумасбродной десятилетней девчонки, но вместо личика видел только мутное пятно, обрамленное золотыми локонами. Что ж, прощай, Лаури. Ты всегда будешь напоминанием самой страшной глупости, которая перекроила всю мою жизнь.

И, круто развернувшись на каблуках, маг зашагал домой. В Закрытый город.

Он был совершенно одинок и, к тому же, навсегда потерял своих родителей. Пусть не родных, как на это намекали и Магистр, и девушка-вампир, но любимых.

Бледное лицо темной нелюди снова всплыло в памяти.

«Я знала твою мать».

Но где же тебя найти, чудовище, чтобы как следует расспросить? Наверняка Магистр придерживает тебя для особых случаев, а, следовательно, ты томишься где-нибудь в клетке, в подземелье, подальше от дневного света…

Больше Гиллард никогда не ходил туда, где раньше был его дом. И почти все свободные вечера проводил внутри кольца черных стен, внимательно смотрел, слушал, наблюдал. Его старания увенчались успехом: оказалось, брат Арве, специалист в области взаимодействий воды, периодически спускался в подземелье Малой башни, но не с пустыми руками, а запасшись сырым мясом. Иногда он прихватывал с собой бутыль свежей крови, но это случалось довольно редко; наверняка вампиressу держали голодной и злой. Дело оставалось за малым – сделать копию ключа и самому проникнуть в темное и душное чрево подземелий, но тут неожиданным союзником оказалось пристрастие Арве к полынной настойке и долгим задушевным беседам.

* * *

И вновь, как в Лабиринте, шагал Гиллард по склону. Поворот ложился за поворотом, виток за витком, панцирем улитки ввинчиваясь в породу. Впереди, на расстоянии вытянутой руки, летел привычный огонек, распугивая темноту, заставляя жирные тени жаться к гладким стенам.

Коридор уползал вперед и вглубь, становясь все уже; Гил уже начал беспокоиться о том, не упрется ли он в тупик или потайную дверь, но тут огонек вылетел в круглый зал – точную копию такого же под главной башней, завис под сводами потолка.

А Гиллард почувствовал, что еще немного – и волосы зашевелятся на голове. Потому что здесь почти все свободное пространство было уставлено клетками. Красноватые отблески отразились в выпученных глазах зеркальников, оживили ложным румянцем лицо болотной ночницы… В памяти вновь и вновь вспыхивали давно, казалось бы, изгнанные и забытые видения детства. Тварь неизвестной породы, волк с кожистыми крыльями, глухо заурчала, заскребла когтями камень; зеркальник в ближайшей клетке рыкнул угрожающе, но как-то вяло. Знал, что на сей раз не светит ему отведать сладкого человеческого мясца…

Гиллард глубоко вдохнул, подивился тому, что особой вони здесь не ощущалось. Небось, Магистр постарался соорудить должную вентиляцию… И подумал о том, что теперь осталось найти девушку-вампира с огромными сапфировыми глазами.

Он осторожно начал обходить клетки, стараясь, чтобы ни один из пленников Магистра не дотянулся до него когтями или зубами. Правда, одна тварь все-таки ухитрилась цапнуть Гила за рукав – но только потому, что обладала выдвигающимися изо рта челюстями.

– Ну, ну, пошали у меня, – беззлобно сказал Гил, спуская с пальцев молнию в мохнатую морду. Нелюдь взвизгнула и забилась в дальний угол клетки.

– То-то же…

Вампиressу Гиллард нашел быстро. Она сидела на полу, прислонившись к сплошной стене своего узилища и, казалось, спала. Гил осторожно приблизился, заставил огонька влететь за пределы чугунных и защищенных магией прутьев.

– Эй, – негромко позвал он, – слышишь меня?

В потемках сверкнули два сапфира и погасли.

– Узнала?

Молчание. И ни единого движения.

Гил вздохнул. Как бы расшевелить эту нелюдь? Он предпринял еще попытку.

– Ну, помнишь меня? Ты еще сказала, что знавала женщину, которая родила меня… – как-то не поворачивался у него язык назвать матерью ту, что бросила его на пороге чужого дома.

Вампиресса вздохнула. Устало, будто Гиллард уже успел надоесть ей хуже горькой редьки.

– Зачем ты пришел, человек?

– Я думал, что никогда не помешает знать правду о себе.

– А нужна ли тебе она, эта правда? Вдруг она перевернет твой мир с ног на голову, а?

Гиллард упрямо мотнул головой.

– Нужна. Обязательно нужна. Я вот подумал… Если расскажешь все, как есть, я помогу тебе отсюда выбраться.

Это обещание вырвалось, как говорится, *необдуманно*. Гиллард тут же попытался себя оправдать – ведь он может и не сдержать своего обещания. Да и кому оно было дано? Темной нелюди, которой не место под небесным куполом.

Вампиресса поднялась и подошла вплотную к решетке. На Гилларда испытывающее уставились сверкающие, переливающиеся в глубине глазищи… Все-таки она была поразительно красива! Это лицо, правильных, благородных очертаний, тонкий шрам на точеном подбородке, брови, как крылья летящей птицы… При людской жизни эта девушка должна была быть первой красавицей в городе.

– Правда отпустишь? – белые пальцы вцепились в прутья клетки, – поклянись… поклянись волей вашего бога!

Гиллард замялся и, поймав презрительный взгляд, кивнул.

– Да… Я клянусь, что помогу тебе выбраться на волю, если скажешь мне всю правду.

Вампиресса усмехнулась.

– Твоя мать была ведьмой, а твой отец – командором императорской армии. Ее звали Миральдой, его Геллером Накори. И это все, что мне известно о тебе.

Гиллард, едва веря собственным ушам, уставился на вампиршу так, словно она сотворила рушащее весь мир заклятье.

– Геллер Накори? Он… Но его же казнили!

– Правда? – она хмыкнула, – надо же… А я и не знала. За те годы, что я здесь сижу, мне ни разу не рассказывали о том, что творится в вашем славном городе.

Гил потер лоб. Его мысли, словно сорвавшиеся с привязи бешеные псы, сплелись в клубок, замельтешили… Он вспомнил, как висел на ограде и смотрел на высокого человека, идущего к эшафоту с гордо поднятой головой, как позже напал зеркальник, принявший образ командора…

– А моя мать? Эта… Миральда? Почему же она бросила меня?

– Значит, ее нет среди живых людей, – холодно ответила вампиресса, – в противном случае, она бы никогда тебя не оставила.

Гиллард стиснул зубы. Слишком много грустных новостей за один раз…

– Ну так что, отпустишь? – донесся слабый, едва слышный шепот, – ты обещал.

– И ты мне поверила? – он покачал головой, – почему я должен отпускать темную нелюдь на свободу? Ты ведь будешь отбирать жизни у ни в чем не повинных людей!

– Но ты никогда не задумывался о том, что ни в чем не повинные люди растоптали, уничтожили народ дэйлор? А, впрочем, на что я надеялась? Маг никогда не станет настоящим рыцарем…

И она вернулась к дальней стенке клетки.

Гиллард покачал головой. Многое изменилось за эти годы, проведенные среди магов. Да и сам он изменился. Не осталось ничего от мальчишки, мечтающего о подвигах… Только пепел, прах, уносимые ветром времени.

И в то же время… Обещание. Одной нелюдью больше, одной нелюдью меньше. Быть может, пропажу заметят не сразу, и брат Арве будет долго искать виновного, да так и не найдет…

– Как тебя зовут? У тебя есть имя? – поинтересовался он. И получил в ответ презрительное молчание.

– Я отпущу тебя, правда. Но мне бы хотелось знать…

– Миртс.

– Хорошо. Давай сделаем так – я открою клетку, но ты ведь не набросишься на меня? Сейчас вечер, наверняка стемнело. Надеюсь, ты умеешь летать?

Миртс кивнула; в ее глазах разгорался настоящий пожар.

– Тогда отойди подальше от прутьев, – выдохнул Гиллард.

Нет ничего проще, чем заклинание разрывающегося шара огня, чтобы разнести тяжелый замок. Завыли, заревели вокруг твари; отовсюду к Гилларду потянулись когтистые лапы, длинные скрюченные пальцы… Он, стараясь хотя бы выглядеть спокойным, распахнул покореженную дверь.

– Выходи. И помни, что обещала.

Миртс выскользнула наружу и остановилась рядом с Гиллардом.

– Когда-нибудь я отплачу тебе, сын Миральды, – прошелестела она, – помни. Твой приход был предсказан великим королем. *Пророчество живет, и ты выполнишь то, что должен.*

– Какое еще пророчество?!! – буркнул Гил. Вампиресса, на его взгляд, несла полнейшую чепуху, – пойдем скорее.

Миртс промолчала, только улыбнулась в потемках.

– Да, да. Пойдем. Если бы ты знал, как долго я ждала этого часа! Теперь… Я клянусь, что буду оберегать тебя и защищать, и тогда мой народ проснется от целительного сна!

До самого выхода шли молча. Гиллард пытался принять то, что ходил смотреть на казнь собственного отца. О чем думала вампиресса, было и вовсе непонятно.

– Теперь – очень тихо. Осторожно, – шепнул Гил, открывая дверь.

И нос к ному столкнулся с братом Арве.

Время замерло, застыло тягучей медовой каплей. Черным провалом открывался широкий рот престарелого мага, он явно собирался если не позвать на помощь, то, по крайней мере, привести в действие какое-нибудь из своих заклятий. Гил вцепился в компоненты заклинаний, мучительно соображая – атаковать магией или попробовать оглушить Арве, пустив в ход кулаки… В конце концов престарелый маг не выглядел силачом, а Гил был молодым и здоровым.

Все решила Миртс. Отчаянный рывок вперед, взмах тонкой девичьей руки – и Арве начал падать на пол, разбрызгивая темные капли крови. Из рассеченной до самых позвонков шеи.

– Что… что ты наделала?!! – просипел Гил, – что?!!

Но Миртс, разумеется, и не думала вдаваться в объяснения. Несколько мгновений – и она с хрустом распахнула крылья.

– Я тебя найду, Гиллард.

Ее поджарое тело хищницы метнулось к окну, и больше Гил ее не видел.

Он судорожно сглотнул, бросил взгляд на содрогающееся в конвульсиях тело мага, под которым медленно расползалась глянцевая лужа.

А отовсюду к нему уже бежали братья, вопя, размахивая руками. Маги Закрытого города.

Глава 5
Владычицы болот

Ошибаются те, что говорят – взгляни в глаза болотной ночнице и увидишь зло мира сего. Те, кто так полагает, даже не видели вблизи болотную ночницу, потому как редкий человек, столкнувшийся с нелюдью на лесной тропинке, возвращается домой. А на самом деле в глазах ночницы мудрость болот и неизбывная печаль, и этого никому не изменить; так было и так будет от начала времен, от самой первой болотной ночницы, королевы-матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.